

ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

Зужой
мир твоих
сновидений

ЛЮСОМНИЯ

ДЕВОЧКА,

КОТОРАЯ

СНИТ

Главное —
вовремя
проснуться

Инсомния

Елена Булганова

Девочка, которая спит

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Булганова Е.

Девочка, которая спит / Е. Булганова — «Росмэн»,
2018 — (Инсомния)

ISBN 978-5-353-08952-0

Первая книга фэнтези-серии «Инсомния» писательницы Елены Булгаковой, автора популярного цикла «Вечники». Пятнадцатилетний Алеша когда-то давно познакомился с девочкой Иолой. Познакомился... во сне. Иола жила странной, немного жутковатой жизнью: она могла бодрствовать только тогда, когда Алеша спал. А когда он просыпался, тут же проваливалась в беспробудный сон. И вот несколько лет спустя Иола стала сниться ему снова... Теперь-то она знает, как ей зажить нормальной жизнью: Алешу надо просто-напросто убить! Жизнь Алеши стремительно превращается в настоящий кошмар. Единственный выход – это довериться необыкновенному профессору и сбежать из дома в лагерь для подростков. Точнее, для весьма необычных подростков, оказавшихся в беде.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08952-0

© Булганова Е., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Глава восьмая	49
Глава девятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Булганова

Девочка, которая спит

Глава первая

Самое страшное

Когда я был совсем мелкий и еще не ходил в школу, самый страшный момент наступал вечером, когда меня отправляли в постель. Я готов был делать что угодно, лишь бы потянуть время. Даже убирать игрушки. Даже мыть голову или пить молоко.

Но мама считала, что в жизни нет ничего важнее режима. Ровно в восемь вечера она заглядывала в мою комнату и говорила:

– Алеша, пора спать. В темпе мыться – и под одеяло.

Я знал, что с мамой бесполезно спорить, но все равно боролся до конца.

Например, упрашивал мне почитать. Это редко срабатывало – мать всегда была слишком занята, чтобы, как она говорила, «потакать капризам почти взрослого мальчика». И когда она уже стояла в дверях, собираясь погасить свет, я спрашивал в полном отчаянии:

– Ты дверь в квартиру хорошо закрыла?

– Конечно.

– А в наши окна никто не сможет влезть?

– Алексей! – начинала сердиться мама. – Мы живем на двенадцатом этаже.

– Мама, скажи честно: та девочка сюда не придет? Никогда-никогда?

Мамина голова была занята совсем другими мыслями. Поэтому она всякий раз забывала, что слышала этот вопрос уже сотни раз, и переспрашивала рассеянным голосом:

– Какая девочка, сынок? Ты с кем-то подружился? Во дворе или в садике?

– Нет, – в сто первый раз объяснял я. – Та девочка, которую я вижу во сне. Она не сможет к нам забраться?

– Как хочешь, малыш, – пожимала плечами мама. – Если хорошо с ней знаком, можешь пригласить ее в гости. Но только предупреди нас с папой заранее.

– Да нет же! – злился я. – Я не хочу! Я вижу ее, когда сплю. А когда я просыпаюсь... кажется, она засыпает и спит так все время – ну, пока я снова не засну. Поэтому она всегда злая и плачет! И еще она лежит в больнице!

– Не нужно так кричать, разгонишь сон! – повышала голос мама. – Ты уже взрослый мальчик. Разберись сам со своими снами и не морочь мне голову!

Она подтыкала одеяло и уходила, как я ни умолял посидеть со мной еще минуточку. У мамы было очень много дел. Моя старшая сестра Кира ждала, чтобы мама погладила ей школьную форму и проверила уроки. Родители вечно твердили, что нельзя быть эгоистом, но... мне было очень страшно.

Иногда я думал, что смогу вообще не спать, если просижу всю ночь в кровати с открытыми глазами. Или стану прохаживаться по комнате. Один раз я ходил так долго, что в комнате родителей погас свет. Мне стало страшно разгуливать в темноте, я нырнул в постель – и тут же уснул. И конечно, увидел ту, кого так боялся.

То есть я увидел сперва самую обыкновенную больничную палату восемь кроватей в два ряда. Иногда некоторые пустовали, но чаще на каждой спал ребенок. А одна кровать у окна была отгорожена белой ширмой. Стоило мне оказаться в моем сне, как ширма начинала колыхаться, и из-за нее слышался громкий плач.

В палату вбегала сонная медсестра в измятом халате. Она убирала ширму от кровати и при этом шипела сквозь зубы:

– Иола, замолчи немедленно, не буди других деток! Будь хорошей девочкой! Сейчас мы с тобой уоемся, покушаем, а потом немного поиграем!

Девочка с темными кудряшками не хотела ни есть, ни играть. Она хотела только плакать. Но медсестре все-таки удавалось вытащить ее из палаты, отнести в туалет и умыть под краном. Потом она усаживала девочку на диванчик в холле и приносила поднос с тарелками. Еда выглядела отвратительно и наверняка была холодной, я бы такую ни за что на свете есть не стал. Девочке она тоже не нравилась: медсестре с руганью удавалось запихнуть ей в рот лишь пару ложек.

– Не хочу! – рыдала девочка. – Не буду! Где моя мамочка? Пусть придет и покормит меня!

– Иолочка, ты же знаешь, посторонним нельзя бывать ночью в больнице, – твердила ей медсестра. – Твоя мама приходила днем провести тебя. Она принесла тебе фрукты и книжки.

– Но я же спала!

На круглом лице медсестры так и читалось: ну, милая, это уж твои проблемы! Но вслух она этого не говорила, а продолжала пичкать бедняжку серой кашей.

Когда кормление заканчивалось, медсестра тяжело вздыхала и говорила:

– Ну, Иола, а теперь поиграй немного в холле. Я оставлю включенным свет. А у меня есть очень важные дела.

И уходила в сестринскую. Думаю, она там ложилась спать, потому что иногда я даже слышал громкий храп. А девочка обнимала коленки и в такой позе часами сидела на диване. Она никогда не играла. Я думаю, она даже не знала, как это делается. Да и кому захочется играть в одиночку, когда все спят?

Правда, иногда она листала книжки или рисовала. Мне было любопытно рассмотреть ее рисунки, но девочка загораживала листок рукой или книгой. Я не понимал, от кого она прячется, ведь в холле никого не было.

Потом она снова начинала плакать. Смотреть на это было так грустно, что я часто просыпался среди ночи. А когда снова засыпал, видел, как она поднимается с дивана и сердито трет глаза.

Однажды в моем сне появились новые лица. Два доктора – так я решил, потому что на них были белые халаты. Один доктор очень старый и совершенно седой, а второй – молодой, с собранными в хвост желтыми волосами и серьгой в одном ухе. Глаза у него были какие-то странные: как будто в каждый вставили по спичке или он чему-то так сильно удивился, что они так и остались широко распахнутыми.

Врачи сидели на пустующей кровати рядом с ширмой и о чем-то тихонько переговаривались. Когда Иола снова заплакала, старый доктор сам отодвинул ширму и склонился над девочкой.

Кажется, она хорошо его знала, потому что совсем не испугалась (вот я бы точно перепугался до смерти, увидев над собой среди ночи незнакомого врача). Но и не обрадовалась: лицо ее оставалось злым и угрюмым. Потом пришла медсестра, стала кормить девочку и на этот раз обращалась с ней очень ласково. А те двое сидели и разговаривали. Я слышал их разговор, но мало что понимал. Они ведь все время переходили на какие-то научные термины, о которых я тогда, как и сейчас, не имел ни малейшего понятия.

– Поразительный случай! – говорил старый доктор. – Никогда за всю свою жизнь не сталкивался ни с чем подобным. Я наблюдаю малышку несколько лет, но, увы, вынужден расписаться в полном бессилии.

– А с какого возраста начались проблемы? – спросил длинноволосый. Он все записывал в блокнот и морщился, когда старший коллега слишком громко расписывался в своем бессилии. Наверно, думал, что дело и яйца выеденного не стоит.

– Возможно, с самого рождения, – задумчиво произнес старик. – Точнее сказать не берусь. Младенцы ведь спят и бодрствуют, когда им заблагорассудится. В общем, до полугода родители не замечали ничего странного. А потом началось: девочка спала почти весь день, просыпалась лишь на пару часов и могла заснуть в любой момент – в процессе кормления, во время игры... Разбудить ее было невозможно. Родители, конечно, пугались, вызывали «скорую». Но никаких заболеваний не удалось выявить. Вечером малышка просыпалась веселая и полная сил, засыпала только под утро. Ни о каком садике, естественно, и речи быть не могло. Девочку постоянно клали в больницу, но – безрезультатно. Вот, думаю, и я через недельку буду ее выписывать. А пока она здесь, коллега, вы вполне можете ее понаблюдать. Но предупреждаю: для этого вам придется перейти на ночной образ жизни. Справитесь?

– Не вижу проблемы, – холодно ответил молодой и что-то пометил в своем блокноте. Потом спросил: – И что же родители?

– А что родители? На первых порах одолевали меня вопросами, записывались на консультации. Даже оставались по очереди на ночь в больнице – с моего разрешения, разумеется. Сейчас уже устали, разуверились, в отделении появляются лишь днем. Жалко девчущку получается сирота при живых родителях. Впрочем, скоро она в любом случае вернется домой. А уж как они там будут выкручиваться... Ей ведь в школу по-хорошему надо идти через пару месяцев. А какая тут может быть школа!

Тут я заметил, что Иола, которая в эту ночь вела себя на удивление тихо, внимательно прислушивается к беседе. А врачи так увлеклись разговором, что не обращали на нее никакого внимания. Хорошо, медсестра догадалась: взяла девочку за руку и увела на прогулку по отделению.

Старый доктор уже вовсю клевал носом. Он встал, потянулся, растер виски. И пробормотал:

– Ну поеду-ка я домой, поработаю над завтрашним докладом. А вы можете остаться, поболтать с девочкой. Она, знаете, славная малышка, очень смышленная. Правда, редко идет на контакт. Но ее можно понять: у кого не испортится характер от таких испытаний! – И вдруг заговорил почти шепотом: – А знаете, во всем этом таится большая загадка. Которую лично я не в состоянии объяснить.

– Загадка? – встрепнулся молодой.

– Да! Она ведь, наша Иоланта, можно сказать, ни с кем не общается. Даже с соседями по палате едва ли знакома. А по развитию не отстает от прочих детей. Знает программу детского сада, все эти стишки-песенки, грамотно говорит. И еще: она иногда просит через медсестер, чтобы родители передали ей конкретные книжки или игрушки. Я спрашивал, откуда она вообще узнает про эти вещи, а Иола отвечает: «Видела во сне!» Что вы на это скажете, коллега?!

Длинноволосый на это ничего говорить не стал, только еще быстрее застрочил в своем блокноте.

Старый доктор ушел. А молодой попробовал заговорить с девочкой, которая вернулась в палату и теперь смотрела на него злыми глазами.

– Тебе, наверно, очень грустно все время лежать в больнице, Иоланта?

Как будто об этом нужно спрашивать. Вот и девочка ничего не ответила, только шмыгнула носом и отвернулась. Врач смутился и тоже погрустнел.

– Ну, это ведь не навсегда, – попытался он исправить положение. – Если хочешь, я буду тебя навещать. Принесу книжки, какие скажешь. Хочешь?

– Нет, – отрезала Иола.

– Знаешь, если ты меня стесняешься, я могу попросить свою жену, чтобы она позанималась с тобой. Тебе ведь нравится учиться?

– Нет, – повторила девочка. – Мне не нравится учиться. Все равно я никогда не смогу ходить в школу.

– Но кто-то же занимался с тобой раньше? – допытывался длинноволосый. – Какая-то медсестра, да?

– Не помню! – рявкнула эта нахалка.

Я был поражен: мне бы и в голову не пришло так грубо разговаривать со взрослым человеком.

Но доктор не обиделся и не рассердился.

– Ты, я слышал, хорошо рисуешь? – спросил как ни в чем не бывало. – Можешь показать рисунки?

Иола хоть и поморщилась, но все же достала из тумбочки альбом. Длинноволосый начал его просматривать, при этом держал так близко к носу, что я ничего не мог видеть.

– Интересно, очень интересно, – бормотал доктор. – Откуда это? Ты это сама видела или рисуешь из головы? Вот этот дивный осенний парк, сильно смахивает на Летний сад... Ты бывала там?

– Никогда. Это мне приснилось.

– Приснилось? – оживился врач. – И часто ты видишь сны? Расскажи, что тебе снится чаще всего?

Но Иоланта – я видел – снова замкнулась и погрузилась. А может, ей просто надоело разговаривать.

– Редко, – ответила она. – И я их сразу же забываю, эти сны!

Показалось мне, или молодой доктор ужасно огорчился?

– А, ну-ну, – проговорил он рассеянным голосом. Совсем как мой отец, когда слушает новости, а мама пытается ему рассказать, что стиральная машина опять забарахлила. – Я понимаю... А вот этот портрет ты как рисовала? Тоже из сна?

– Нет! – заорала Иола. – Из книжки!

И вырвала свой альбом из рук врача. Тому пришлось делать вид, будто ничего не случилось.

– А еще что-нибудь из той книжки ты срисовала? – спросил спокойно. – Может, покажешь мне ее?

– Я ее выкинула, – буркнула девочка. – И рисунки тоже выкину. Никогда больше не буду рисовать!

– Ну, напрасно ты так говоришь, – помотал хвостом доктор. – Нужно развивать в себе любую способность – никогда ведь не угадаешь, что в жизни пригодится, верно? А падать духом не надо. Если тебе сейчас хуже, чем другим, значит, однажды в твоей жизни произойдет что-то замечательное. Таков уж закон природы.

Мне понравились эти слова, и я постарался их запомнить. А вот сам доктор – не понравился. Было тяжело видеть, как огорчается Иола. Он ведь разговаривал с ней, как с обычной девочкой, у которой в жизни все в полном порядке...

– Позволь, я все-таки возьму твои рисунки, – сказал он и подхватил альбом, который Иола швырнула на пол. – Обещаю, что верну. Мы ведь еще обязательно увидимся.

«Лучше не надо», – ясно читалось на лице Иолы.

Наконец даже медсестра намекнула доктору что пора оставить девочку в покое. Он ушел и унес под мышкой альбом с рисунками.

Медсестра сразу после этого отправилась спать. У нее даже ноги заплетались от усталости. А девочка еще долго сидела на диване в холле. Она горько плакала.

Потом я пошел в школу, и у меня появились новые проблемы. Школьные предметы давались не слишком хорошо. Мама и папа редко бывали мной довольны. А по ночам я по-прежнему видел девочку. Иногда она жила дома, в маленькой комнате с желтыми занавесками, иногда – в больнице. Я привык к этим снам и почти не обращал на них внимания. И даже думал, что всем людям снится что-то подобное. Пока однажды Иола не заговорила со мной.

Мне было десять лет, и я ходил в четвертый класс. Иола, конечно, нигде не училась, но когда она просыпалась по ночам (у себя дома или в очередной больнице), то сразу брала в руки книги, и по обложкам я с удивлением узнавал учебники, по которым учился сам. Или что-то из внеклассного чтения. Что до меня, я бы под расстрелом не стал читать их по ночам. Вообще-то книги я любил, но точно не те, которые задавали в школе.

А Иоле еще приходилось с книгами и лампой забираться с головой под одеяло. Потому что в комнате она была уже не одна. У стены напротив появилась маленькая кроватка, и в ней спала крохотная девочка. От света она иногда просыпалась и начинала хныкать. Тогда Иола бросала книжку, брала сестру на руки и баюкала ее, пока малышка снова не засыпала.

Но в ту ночь Иола отложила книгу просто так, без причины. И стала смотреть по сторонам с таким выражением, как будто искала кого-то с целью хорошенько с этим кем-то поругаться. У меня сердце так и ушло в пятки. И вдруг она сказала совсем тихо, сквозь зубы:

– Ты здесь? Я же знаю, ты меня видишь! Ответь мне!

Я ничего не понимал. Иола явно обращалась ко мне. Это было очень страшно. А она вдруг вскочила с кровати и закричала шепотом, потрясая кулачками:

– Эй, я все равно знаю, что ты здесь! Я ненавижу тебя! Знай, что я вырасту и найду способ тебе отомстить! Я думаю об этом все время!

Мне стало так жутко, что я даже заорал во сне. И изо всех сил постарался немедленно проснуться. Это мне удалось. Но, проснувшись, я понял, что кричал не только во сне, потому что в комнату влетела мать.

– Алеша, что случилось?! Ты вопишь на всю квартиру! У тебя что-то болит?

– Нет, мама! – Я изо всех сил старался не заплакать. – Просто та девочка, из моего сна... она заговорила со мной! Она сказала, что ненавидит меня!

Мама перевела дух – и лицо ее стало очень сердитым.

– Послушай, сколько это может продолжаться? – грозным голосом спросила она. – Ты еще в школу не ходил, а уже изводил меня разговорами про девочку из своих снов. Теперь ты уже не маленький, разве не пора перестать морочить всем голову?

– Но я не виноват, что она мне снится! – крикнул я. – И она никогда раньше не разговаривала со мной. Скажи, что сделать, чтобы никогда больше не видеть ее?

Мама знала ответ на этот вопрос:

– Надо перестать читать дурацкие фэнтези, поменьше сидеть за компьютером и заняться наконец вплотную учебой. И тогда, я уверена, никакие девочки не станут преследовать тебя... хотя бы по ночам.

Сказала – и вышла из комнаты. Я знал, что мамины советы мне не помогут. Единственное, в чем я был уверен, так это в том, что Йола сейчас спит прямо на полу своей комнаты. И проспит до того времени, пока у меня не кончатся силы бороться со сном.

Следующий день был выходной, и отец взял меня на прогулку в парк. Я даже не сомневался, что это мама попросила его со мной поговорить. Потому что, честно сказать, отец мало обращал внимания на происходящее в нашем доме. Если он не пропадал на работе, то просто сидел в своей комнате, наверное, отдыхал от всех и всего.

– Что это за побудку ты нам устроил ночью, сын? – приступил к делу отец. – Ужастиков насмотрелся? Приснился кошмарик?

– Нет, – ответил я. И подумал: а почему бы не рассказать все? Может, он в таких вещах разбирается лучше мамы?

– Я никогда не вижу никаких снов, – сказал я. – Только один, но это вроде как и не сон даже. Я вижу девочку, которая просыпается только тогда, когда я засыпаю. Она ненавидит меня за это и грозит отомстить.

Показалось, или отец и вправду вздрогнул? И взглянул на меня как-то странно. А потом спросил:

– Ты видишь один и тот же сон с самого детства?

Я пожал плечами:

– Кажется, да, я точно не помню. Но я никогда ничего не видел во сне, кроме этой девочки.

– И ты хотел бы, чтобы эти сны прекратились?

– Конечно! – воскликнул я. – Мне бы очень-очень этого хотелось!

На следующий день я сидел за столом и изо всех сил пытался переписать упражнение по русскому языку без помарок. И вдруг ко мне в комнату зашел отец. В руках у него была бутылочка с какими-то мелкими таблетками.

– Слушай, Алеша, – заговорил он немного смущенно. – Я тут купил кое-что в аптеке. Это совсем легкое успокоительное, от него – я узнавал – не будет ни слабости, ни головокружения. Пожалуйста, пей по таблетке на ночь. Если поможет – хорошо, если что-то начнет беспокоить – обязательно скажи. Ладно?

Я кивнул. И подумал, что таблетки вряд ли мне помогут. Я же не больной какой-нибудь.

– И еще, – сказал отец и даже покраснел слегка. – Давай не будем рассказывать об этом маме. А то мне, пожалуй, влетит за самостоятельность. Договорились?

– Договорились, – подтвердил я.

На ночь я честно проглотил таблетку. Утром проснулся и понял, что спал всю ночь, не просыпаясь, никакой девочки не видел. И ничего у меня не кружилось и не болело. Я рассказал об этом отцу, и с тех пор он каждый месяц покупал для меня новую бутылочку.

Глава вторая

Неприятности в новой школе

Когда я оканчивал седьмой класс, в нашей семье произошли перемены. Мне, конечно, никто ничего объяснять не стал, но я и сам догадался, что у отца начались проблемы с бизнесом. Он делал мебель, а люди покупали ее все меньше – наверное из-за кризиса. Отцу даже пришлось продать нашу квартиру в центре Питера и переехать в небольшой городок в области, поближе к своему предприятию. Сестра перебралась вместе с родителями и сразу пошла в новую школу. А меня на время поселили у родственников, чтобы я мог спокойно закончить последний триместр.

Я ездил к родителям на выходные. Мама теперь работала у отца и была, кажется, всем довольна. А вот сестра ходила обиженная: ей категорически не нравилась новая школа. После переезда она отучилась там пару месяцев, потом наступили летние каникулы, и почти все лето я слышал урывками, как она по телефону расписывает своим прежним одноклассникам, в какой ужасной бандитской школе ей теперь приходится учиться. Естественно, я с тревогой ждал сентября.

Однажды в один из моих приездов отец попросил меня забрать что-то из его машины. Я помчался вниз по лестнице. Гараж отец пока не купил, поэтому оставлял машину во дворе. А двор здесь был очень большой – не то что наш прежний, в Питере, пятачок с парой кустиков. Здесь же четыре длинных дома заключали между собой целое футбольное поле. Я перебежал через двор, достал пакет из машины, развернулся – и врезался в какого-то типа. Сердце у меня екнуло: парней было трое, и они стояли плотной стеной, отрезая мне путь к дому.

– Ага, сынок того мужика, что ставит тачку под нашими окнами, – сказал один, самый рослый и, наверное, самый главный в этой тройке. – Эй, пацан, не многовато у вас машинок? Вон та, серая, евонной матери, – пояснил он друзьям.

Я молчал и только старался незаметно впихнуть ключ в карман джинсов. Во дворе – никого, эти типы могли запросто и машину угнать.

– Трясешься? – неверно понял мои лихорадочные движения парень. – Правильно делаешь. Передай родкам, чтобы машины свои не разбрасывали, вы в этом дворе не хозяева. И запомни: не переставит твой батя тачку – разбираться буду с тобой. Понял?

Я, конечно, ничего ему не ответил. На мое счастье, во двор въехала легковушка, оттуда высыпала целая семья, и парни тут же сделали вид, что просто шли мимо. А я побежал домой.

Отцу я ничего не рассказал про этот случай. Но во двор теперь выходил с опаской.

Первого сентября отец подвез меня и Киру в школу. И конечно, она мне с первого взгляда ужасно не понравилась. Возможно, я и раньше был настроен негативно из-за отзывов сестры. Хотя нет, дело не в этом – просто слишком была не похожа эта школа на ту, в которой я учился прежде.

Маленькая, какая-то ветхая, с огромным пустынным двором. По двору носились ученики, расплескивали грязь из луж – ночью был ливень. Я шел и думал о том, как бы поскорее отделаться от Киры. Хорошо еще, что я по росту давно обогнал сестру и, надеюсь, не выглядел на ее фоне беззащитным младшим братишкой. Ничего, пусть только она мне покажет, где находятся восьмые классы, – сразу сделаю ноги.

Тут к Кире подошла какая-то девчонка, наверное, одноклассница, поздоровалась, а сама тем временем во все глаза рассматривала меня. Под ее взглядом я моментально потерял равновесие – ступил с дорожки в лужу, а лужа оказалась глубоченной. В ботинок хлынула ледяная вода. Девчонка громко прыснула, а потом спросила Кирку:

– Это что, новенький? В наш класс? Когда же ты с ним познакомилась?

– С ума сошла? – захихикала в ответ сестрица. – Это же мой младший брат!

Та сразу перестала на меня смотреть и скоро вообще ушла к группке других девчонок. Сестра заторопилась:

– Ладно, пойдем, покажу вашу раздевалку. А дальше сам, не маленький!

И понеслась вприпрыжку к зданию школы. Дверь в здание была почему-то раскрыта только на одну створку, а народу было полно, включая мамочек с разодетыми первоклассниками. Поэтому к ней выстроилась настоящая очередь. Сбоку от двери маячил какой-то высокий лохматый парень. Я даже застыл на месте, когда его заметил.

Не знаю, в какой класс он ходил, но наверняка перерос всех в этой школе. Одет гигант был в старые джинсы, обрезанные по колени, и несвежую майку. И это при том, что остальные были в куртках и плащах! Все проходящие мимо так и шарахались от него.

– Что, у вас в таком виде пускают на уроки? – спросил я сестру.

– Ты о чем? – Тут она поняла, на кого я смотрю, и губы ее презрительно скривились. – А, да это Ванька Разин, из параллельного. Не думаю, что он вообще собирается на уроки. Наверняка пришел для старших долги выбивать.

В этот момент Разин кого-то заметил в толпе и заорал на весь двор:

– Эй, ты, урод, деньги принес?! Не прячься, я тебя видел! Не войдешь в школу, пока не рассчитаешься!

Какой-то парень, по виду десятиклассник, перестал прятаться за букетом малышки с бантиками и во весь опор припустил прочь от школы. Гигант рванул за ним, торпедой пробил толпу, и через секунду оба исчезли за углом. У входа образовалась куча-мала, кто-то оказался втоптаным в грязь, матери и отцы возмущались и хватали на руки своих перепуганных детишек.

– Ну, видел? – ахнула Кира. – Этого Разина, наверное, родная мама боится. Учителя ему даже пропуски не ставят, лишь бы пореже появлялся на уроках.

– Ну все, – сказал я. – Раздевалку увидел, дальше сам разберусь. Свободна.

– Ага, молодец! – уже на полпути к двери крикнула мне сестра.

Я разделся и подошел к большому расписанию на противоположной стене. Я знал, что зачислен в восьмой «В» класс. Первым уроком в расписании у нас была алгебра. Но сначала, конечно, линейка. Из-за дождя, который снова зарядил, ее перенесли в зал на третьем этаже.

Обычно я терпеть не могу всякие линейки, но на этот раз был даже рад: ужасно неловко входить в класс, когда никого в нем не знаешь. А после линейки все повалят гурьбой, легко будет затеряться. Жаль только, что я не знаю, какое место окажется свободно. Я сразу решил, что заберусь на самую дальнюю парту. Может, повезет, учитель меня не заметит и не станет выставлять на обозрение перед всем классом.

Какая-то женщина в сером костюме схватила меня за плечо и спросила:

– Ты в каком классе, мальчик?

– Восьмой «В», – пробормотали.

– Ага, значит, мой, – бормотнула женщина. – Становись вот сюда.

Сильной рукой задвинула меня куда-то вбок, и я оказался в группке ребят, моих новых одноклассников. Они, конечно, все вылупились на меня. Один парень спросил, кто я и откуда приехал. Но тут началась линейка, и громоподобный голос директора школы заполнил небольшой зал. Он поздравлял нас с началом учебного года, а я потихоньку рассматривал своих новых соучеников. К концу линейки мне даже стало казаться, что все не так уж плохо.

А потом мы разошлись по классам. Я потоптался возле доски, пытаюсь сообразить, какое место пустует. Парень, который заговорил со мной на линейке, оглянулся и предложил:

– Садись со мной, если хочешь. Прежний сосед в другую школу перешел. Меня, кстати, Витей зовут.

– Ладно, – сказал я и пошел за ним. Но тут кто-то загородил мне дорогу.

Я вздрогнул: передо мной стоял тот самый тип, который привязался ко мне из-за отцовской машины. И его приятели тут как тут, окружили и радостно скалятся. А мне и в голову не могло прийти, что они тоже из восьмого. Я привык, что уже в пятом обошел всех по росту в прежней школе. А из этих типов двое были выше меня, второгодники, что ли. И накачанные, как штангисты.

– Во приколы! – возликовал тот, кто был за главаря. – Сам пожаловал. А я уж думал, не видать во дворе, придется отлавливать. Тачка-то все еще под нашими окнами стоит, так? А кто за неудобство нам будет платить? Вот ты и будешь. Десять тысяч в неделю. Понял?

– Ага, щас, – выдавил я.

– Что ты сказал?! – взвился парень. – Не понял, с кем говоришь? Короче, жду неделю, не заплатишь – будем лупить тебя каждый день после уроков. Уловил?

Я промолчал. Парень все надвигался, вот он уже уперся в меня своим мощным плечом. Но тут раздался строгий голос:

– Так, Карлов, опять за старое?! Хочешь начать год с визита к директору?

– Обойдусь, – хмыкнул парень и пошел вразвалочку куда-то на зады класса. Я продолжил свой путь к парте Виктора. Но, приблизившись, заметил, что на свободной половине парты лежит его портфель.

– Слушай, тут такое дело, – прошептал Витя, красный как рак, – в общем, оказалось, это место занято.

Я пожал плечами и отошел. Тут уж, конечно, учительница вытащила меня к своему столу и завела обычную песню:

– Это Алексей Громов, ваш новый товарищ, прошу любить и жаловать. Где у нас свободное местечко? Ага, Костюхин ушел, значит, садись пока с Витей Прониным. Витя, будь добр, убери портфель и освободи место для новенького. Садись, Леша.

Пришлось мне снова возвращаться к той же парте. Витя посмотрел на меня волком и отодвинул свой стул в самый проход. Наверное, старался показать Карлову и его компании, что ему я тоже не нравлюсь.

До конца учебного дня я ничего толком не видел и не слышал. Все мои мысли были о том, как избежать еще больших неприятностей. Может, уговорить родителей перевести меня на домашнее обучение? Или быстренько записаться в секцию бокса и через неделю отлупить Карлова и его приятелей по полной программе? И то и другое в одинаковой степени нереально.

Следующий день был выходной. Родители пытались вытащить меня на прогулку в парк любоваться золотой осенью. Как будто мне было до осени, честное слово. Я думал только о том, что приобрел очень опасных врагов, да еще где – в собственном классе. Естественно, я не расскажу об этом родителям, но и платить тоже не стану. А вот что делать, если угроза окажется не пустой и уже через неделю они за меня возьмутся всей когдой? К сожалению, я никогда не мог похвастаться силой, да и выносливостью, пожалуй, тоже. Мысль о физической боли до жути пугала меня.

В ночь на понедельник я почти не мог спать, вскочил на рассвете. Солнце било прямоком в наши окна. Я вышел на балкон и попробовал поднять отцовские гантели. Пару раз даже получилось. Может, существует какой-то экспресс-курс, как стать крутым за неделю? Я решил вечером переговорить об этом с отцом. Он вечно ругал меня за то, что сижу у компьютера и не занимаюсь спортом. Вот пусть и подскажет, каким видом спорта можно в темпе овладеть.

Я задумался обо всем этом, забыл о гантелях и облокотился на перила. И вдруг на балконе углового дома, на пятом этаже, заметил девочку. Мне показалось, что и она смотрит на меня, хотя расстояние было приличное. На всякий случай я вроде как отвернулся, а сам изо всех сил скосил глаза, пытаясь ее рассмотреть.

Она была совсем легко одета, наверно, выскочила на секунду. И у нее были очень красивые волосы: золотые и пушистые, они так и сияли в солнечном луче. Лицо, конечно, не разглядеть. И вдруг девочка помахала мне рукой. Я был так растерян, что совсем отвернулся и принялся старательно изучать противоположный конец двора. А когда повернул голову на балконе уже никого не было.

С тех пор я почти каждую свободную минуту выходил на балкон, для вида мучился с гантелями, а сам все смотрел и смотрел на балкон углового дома. Но девочка там больше не появлялась.

Прошла еще неделя. Паша Карлов и компания каждый день тормозили меня где-нибудь в коридоре и напоминали, что срок заканчивается. Противно было видеть, как мои одноклассники в спешке отводили глаза и по-быстрому исчезали. У меня не только не появилось друзей в новом классе – я даже мало кого знал по именам. Никто не хотел со мной знакомиться.

В понедельник с последним звонком я собрал портфель и увидел, что вся троица торчит в дверях, загораживая выход, а мимо них рыбками проскальзывают мои одноклассники. Я застыл у парты. Когда никого, кроме нас четверых, в классе не осталось, Карлов вразвалочку приблизился ко мне и спросил:

– Ну что, принес деньги?

– Нет, – сказал я.

– А почему? Жить надоело?

Я промолчал. Разговаривать было противно, пусть уж лучше начнут бить. Карлов тем временем взял мой портфель, не спеша расстегнул и вывалил содержимое на пол. Подскокшие парни с радостными воплями запрыгали по моим тетрадкам.

– Ладно, – процедил Паша. – Жду еще три дня. Отдашь пятнадцать тысяч за парковку. Понял?

– Нет у меня денег, – сказал я.

– Ой, горе! У папочки попроси. Если он такой крутой, то даст денежек. Что скажешь?

Я лишь молча наблюдал, как мой дневник распадается на отдельные листочки под грязными подошвами карловской свиты. И тут случилось чудо: в класс вошла учительница. Наверное, что-то забыла на своем столе.

– Вы что тут делаете?..

И углядела на полу хаос из моих вещей.

– Так, понятно, – свирепым голосом произнесла она. – Кажется, директор еще на месте. Карлов, за мной шагом марш. И вы все – тоже.

Но в мои планы вовсе не входило давать показания в директорском кабинете. Понятно, что от этого станет в разы хуже. Поэтому я сказал:

– Извините, Маргарита Петровна, я должен идти. Меня ждут.

Она только рукой махнула:

– Хорошо, иди, Леша. Мы и сами разберемся, не впервой. И в следующий раз не связывайся с этой компанией. Просто держись подальше, понял?

Ага, хорошо ей говорить!

В тот день я долго не мог успокоиться. Уроков назадавали полно, но не было сил взяться за книги. Да и зачем?

Так я промаялся до вечера, а потом сослался на головную боль и пораньше лег в постель.

Глава третья

Девочка плачет

– И сколько ты собираешься это терпеть? – накинулась на меня Иола, стоило только закрыть глаза. – Какой же ты жалкий трус! Смотреть противно! Не можешь справиться с какими-то подонками?

Я глазам своим не верил: откуда она взялась? Правда, из-за своих проблем я совсем забыл пить на ночь таблетки. Но откуда она знает, что у меня проблемы в новой школе?

– Откуда ты?..

Я даже сам не заметил, как произнес эти слова. Но девочка их услышала:

– О, прогресс, ты разговариваешь со мной! Раньше не мог додуматься?

– Откуда ты знаешь, что у меня творится в школе? – закончил я вопрос. – Кто тебе рассказал?

– Никто мне ничего не рассказывал, – закатила глаза Иола. – Да просто я вижу тебя, когда сплю. Это же очевидно.

Я чуть не умер от такого заявления. Даже во сне стало жарко от жгучего стыда. Я попытался напомнить себе, что это всего лишь сон, не надо брать в голову, мало ли кто чего наговорит.

Я молчал, а сам тем временем рассматривал Иоланту. С тех пор как я не видел ее, она здорово изменилась, выросла, похудела. Лицо в целом симпатичное, хотя бледное и злое. Скулы очень широкие, а брови длинные, глаза посажены так глубоко, что не поймешь какого цвета. Зеленоватые вроде. Темные волосы отросли и собраны в хвост на затылке. Она по-прежнему находилась в комнате с желтыми шторами, и все так же в кроватке спала ее маленькая сестренка. Странно, какой навязчивый сон, подумал я.

– Ну, что молчишь? – снова спросила Иола. Я заметил, что она прикрывает рукой рот, когда говорит, – наверное, боится разбудить сестру. – Как ты собираешься разобраться с этими бандюганами?

– Твое какое дело?

– Никакого, – скривилась Иола. – Просто смотреть мерзко, как они над тобой глумятся.

– Ну и не смотри, – буркнул я. – И вообще все это ерунда. Ты мне просто снишься. Я не видел тебя много лет и еще столько же не увижу.

– Не увидишь, если опять начнешь глотать таблетки, – усмехнулась девочка.

– А при чем тут таблетки?

– Не понимаешь? Ты не видишь меня, когда их пьешь. Я это знаю, потому что раньше в больницах мне тоже давали всякие лекарства. И тогда все сразу исчезает. Вообще никаких снов.

«Завтра же снова начну пить таблетки», – обрадовался я. И спросил осторожненько:

– А ты разве не хочешь спать без этих дурацких снов?

– Очень хочу, – сказала Иола.

– Тогда давай ты тоже начнешь пить таблетки, ладно? Знаешь, мне как-то не нравится, когда за мной наблюдают.

– Честно тебе ответить?

– Конечно!

– Ничего я пить не буду! – отрезала Иоланта. – Даже не надейся.

– Почему?!

– Сам догадайся, идиот!

Тут она крутанулась на кровати так, чтобы сидеть лицом к стене, и схватила с подоконника какую-то книжку. Открыла и уткнулась в нее, как будто я исчез. Но я успел узнать учебник геометрии, по которому и сам занимался. На подоконнике еще лежали тетрадки и всякие школьные принадлежности.

До самого утра я наблюдал, как девчонка что-то старательно зубрит. У меня было стойкое ощущение, что она делает домашнее задание, записанное в моем дневнике, которое из-за переживаний я сам и не подумал выучить. И тут я понял, почему Иола не хочет пить таблетки. Да ведь она живет моей жизнью, учит то, что учу я! Вот это я влип!!!

И я не стал пить таблетки. Теперь я знал, что это ничего не меняет: Иоланта все равно видит меня. Так уж лучше быть в курсе того, что она замышляет. Теперь к моим дневным переживаниям прибавилась еще и ночная нервотрепка. Иола то издевалась над моими успехами в учебе, то обзывала слабаком и трусом всякий раз, когда на меня наезжали Карлов и компания. Кажется, она никогда не бывала в хорошем настроении.

В одну из ночей, неделю спустя после первого разговора, я уныло наблюдал, как Иола встает, вернее, рывком вскакивает с кровати. Халатик она, как всегда, натянула еще под одеялом. Первым делом подошла к кровати младшей сестры – та сладко спала. Потом зажгла настольную лампу, загородила ее газетой и села к столу, на котором лежала стопка учебников для восьмого класса.

Но долго заниматься на этот раз Иола не стала. Она подняла голову и зашарила взглядом по стенам и потолку как будто надеялась обнаружить там меня. А потом завела в пространство свою обычную пластинку:

– Какой же ты тупой идиот! Я видела, как ты позорился вчера у доски! Я тебя презираю! Если хочешь знать, я давно уже выучила то, о чем ты даже представления не имеешь!

Я молча мечтал о том, чтобы поскорее прозвенел будильник и это издевательство прекратилось. Нет, довольно, завтра же чего-нибудь наглотаюсь.

– Ты трус, поэтому всегда молчишь! – подвела итог Иола. – Ты и в школе такой: никогда не дашь сдачи, все терпишь. Тупица, на которого учителя давно махнули рукой. И еще у тебя за всю жизнь не было ни одного настоящего друга!

От ее слов я просто оцепенел. Самое обидное, что кое-что из сказанного было правдой. Настоящих друзей у меня и в прежней школе не было, так, пара приятелей. И с учебой я действительно туго справлялся. Но вот то, что я трус, девчонка напрасно сказала! Был бы трусом,

давно бы уже раздобыл деньги, которые требовал у меня Пашка. Наплел бы что-нибудь родителям или, к примеру, продал камеру. Если бы мы с Иолой разговаривали нормально, я бы доказал ей, что не трус. Рассказал бы, например, как в первый же день в бассейне прыгнул с пятиметровой вышки, даже не на спор, а просто так, для себя. Хотя, наверно, она это и сама видела.

Иола хотела еще поунижать меня, но тут в кроватке забормотала что-то спросонья младшая сестра. Девочка тут же подошла к ней, взяла на руки и стала убаюкивать совсем другим, ласковым голосом. Но что-то испугало малышку, она вдруг вскрикнула так громко, будто увидела привидение. От этого звука я проснулся, подскочил на кровати и до утра уже не смог уснуть.

На другой день после школы я не пошел слоняться по улицам и не включил, едва войдя в свою комнату компьютер. Нет, я сразу сел за уроки и трудился до вечера в поте лица. Меня терзало мучительное чувство неловкости. Я знал, что Иола смотрит на меня и, конечно, потешается над тем, как я по часу торчу на каждой странице.

Иногда так хотелось вскочить со стула и отшвырнуть учебники! Что, ну что я хочу доказать? И зачем? Я могу просто не видеть ее, забыть о ней навсегда. Но что-то удерживало меня. Невыносимо было думать, что Иола все равно будет наблюдать и смеяться надо мной.

Пришла с работы мама и немного испугалась, увидев меня за учебниками. Подошла, положила руку на мой лоб, спросила коротко:

– Не заболел? Вид у тебя какой-то квелий.

– Не заболел, – ответил я. – Ты иди, а то мне еще заниматься надо.

– А почему не поел?

– Уроков много задали. И вообще... не хочется.

Мать смотрела на меня в полной растерянности и явно размышляла, не позвонить ли врачу.

– Ладно, заканчивай уроки и отправляйся в постель, – со вздохом произнесла она. – На всякий случай. А я тебе чаю с медом принесу. Говорят, по городу очередной грипп бродит.

Пришлось мне, как младенцу, ложиться в постель в восемь вечера. Ох, лучше бы я этого не делал! Или постарался хотя бы не засыпать сразу, а в интернете поторчал, что ли.

Но я уснул сразу после чая и увидел комнату с желтыми занавесками. Что-то в ней изменилось. А, ясно, исчезла кроватка младшей девочки. Иола лежала в постели, до самого носа укрывшись одеялом. Обычно она сразу вскакивала, и я немного испугался ее неподвижности. Может, грипп и до нее добрался?

А потом заметил, что девочка в комнате не одна. Рядом с ее кроватью на стуле сторбилась усталая женщина в домашнем халате. Однажды я видел ее в больнице и понял, что это мать Иолы. С тех пор она сильно изменилась и, по-моему, не в лучшую сторону.

У окна стоял мужчина, видимо, Иолин отец. Вид у него был... как бы сказать... сердитый и смущенный одновременно. Я сразу понял, что они с женой ссорятся: видел подобные лица у собственных родителей. Мне захотелось немедленно проснуться, но у меня ничего не получилось.

– Танюша, ты должна понять, – со вздохом произнес мужчина.

Я чуть не захихикал оттого, что он так по-детски называл свою жену. Но тут же заметил, как у Иолы задрожало лицо, и смеяться расхотелось. Кажется, происходило что-то очень плохое.

– Что тут понимать?! – шепотом спросила женщина. – Что я должна своего родного ребенка выкинуть из жизни, будто его и не было?! Да как ты можешь говорить мне это?

– Таня, об этом и речи не идет, – ровным, успокаивающим голосом продолжал мужчина. – Мы найдем хорошую больницу, об Иоланте будут отлично заботиться. Договоримся с медсестрами, чтобы они в ночную смену занимались с ней, и вообще... уделяли внимание.

– Но я сама могу уделять ей внимание, – возразила женщина. – Сейчас Юленька уже подросла, я не так выматываюсь за день. Могу вставать ночью и хотя бы пару часов общаться с Иолой.

– И как ты себе это представляешь? Ты вечером и так с ног валишься, что будет, если не станешь нормально спать по ночам?

Женщина тихо заплакала. Мужчина приблизился и положил руки ей на плечи.

– Но больше всего меня волнует судьба Юли, – сказал он. – Она родилась совершенно здоровой, и будет несправедливо, если мы превратим ее в инвалида.

– Что ты имеешь в виду? – спросила женщина. – По-моему, Юля тут вообще ни при чем.

– А ты забыла, что случилось прошлой ночью? Хорошо, мы прибежали на шум. Ты понимаешь, что могло произойти?

– Ну мы же перенесли ее кроватку к нам в комнату. Это просто несчастный случай... Иола не хотела ничего плохого.

– И сколько Юля будет спать в нашей комнате?! – рассердился мужчина. – Разве у нее не должно быть своей комнаты, как у других детей? А потом, давай говорить начистоту: это ты думаешь, что Иоланта ничего дурного не замышляла. Но ведь мы не можем заглянуть ей в голову. А вдруг ей хочется отыгаться на сестренке за то, что та – здоровая, нормальная девочка?

– Перестань! – закричала женщина.

Я чуть не проснулся от этого вопля. Но, как говорится, «чуть не считается»; я продолжал спать и видел, как мужчина с несчастным видом пытается успокоить рыдающую жену.

– Ну ладно, Тань, это лишь предположения. Давай смотреть только на факты: Юле все чаще задают вопросы. И в садике, и во дворе. Спрашивают, правда ли, что у нее есть старшая сестра, которая почти все время спит и никогда не выходит на улицу? Скоро страшилки станут про нас сочинять. А что будет через пару лет? А когда она пойдет в школу?

– Но ведь во многих семьях есть дети-инвалиды! А братья и сестры учатся воспринимать их правильно.

– Да, инвалиды, но все-таки не такие, как Иола. Знаешь, я бы согласился на что угодно, на любой дефект...

– Алеша!

Уф, это мама, принесла мне градусник. Лицо у нее огорченное из-за того, что разбудила меня. Знала бы она, как я благодарен ей за это! Одно ужасно: скоро все равно придется уснуть и встретиться со взбешенной Иолой. Представить не могу что с ней творится после того, что она услышала от собственных родителей!

Мама принесла мне еще и таблетки от простуды. Мне невероятно повезло: в эту ночь я Иолу больше не видел. Не видел и следующие несколько дней и ночей, потому что совсем разболелся, и вызванный врач прописал мне пить лекарство три раза в день. Собственно, я мог бы никогда больше не видеть Иолу. Но понимал, что с моей стороны это будет непростительной трусостью и малодушием. А может, все обошлось и родители Иолы успокоились?

Не обошлось. Я это сразу понял, когда заснул через неделю после того разговора. Я был готов к ненависти и ледяному молчанию. Но вышло по-другому, гораздо хуже. Едва я заснул, как Иола поднялась и села на кровати. Но не вскинула голову, как обычно, с сердитым отворачиванием, а продолжала смотреть на свои коленки. А потом вдруг горько заплакала.

– Чего плачешь? – спросил я. – Из-за родителей, да? Ты не обращай внимания, это они горяча.

Иола так и подскочила на месте, потом рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку.

– Не смотри на меня! – закричала она.

– Я не могу, – честно сказал я.

– Просто смотри в другую сторону, debil!

Я послушно уставился в окно. За ним был двор, почти такой, как у нас, верхушки деревьев плясали за стеклом. Я стал прикидывать, на каком этаже живет Иола. Жаль только, что нельзя было заткнуть уши и не слышать, как она всхлипывает. Я подождал немного и спросил:

– Ну что, теперь всю ночь будешь плакать? Может, лучше поболтаем?

– Отстань! – вскрикнула Иола. – Я не хочу разговаривать! Лучше бы ты пил дальше свои таблетки и оставил меня в покое!

– Я бы пил, – вздохнул я, – если бы ты согласилась, ну, тоже их пить. Чтобы мы больше не видели друг друга, понимаешь? Думаю, это было бы правильно. А то как можно нормально жить, если за тобой наблюдают?

На самом деле я давно готовился к этому разговору. И наверное, выбрал неудачный момент, потому что Иола перестала плакать, словно оцепенела. Потом села неподвижно и уставилась в одну точку. Я тут же пошел на попятную:

– Ладно, забудь! Просто я подумал: может, договоримся, чтобы ты хотя бы не все время видела меня? Ну, понимаю, тебе хочется учиться в школе, но есть же еще выходные и каникулы...

Иола коротко и злобно рассмеялась:

– Успокойся, скоро так и будет. Родители хотят поместить меня в больницу для психов. Там в меня наверняка будут вкачивать тонны лекарства. Заживешь спокойно.

На какую-то долю секунды я ощутил невероятное облегчение. А потом мне стало стыдно, и я попытался успокоить девочку.

– Твои родители просто были огорчены, – сказал я. – Они наверняка ничего такого не сделают и никому тебя не отдадут.

– Еще как отдадут, – спокойным, даже равнодушным голосом проговорила Иола. – Они уже и документы готовят, я знаю. Я им больше не нужна. Спасибо тебе за это!

Тут я возмутился:

– Слушай, почему я всегда во всем виноват?! Разве я так устроил, что мы видим друг друга во сне? Да я бы на все согласился, лишь бы это изменить!

– Ты виноват в том, что ты трус и слабак! – отчеканила Иола. – Зачем ты проснулся в ту ночь, когда я пыталась успокоить сестренку? Испугался детского плача?

Иола сморщилась и отвернулась. Потом сказала с таким отчаянием в голосе, что мне снова захотелось проснуться:

– Я всего лишь хотела ее укачать. Я всегда так делала, когда она просыпалась по ночам. Но из-за тебя я упала на кровать Юли и чуть не придавила ее. А родители подумали, что нельзя больше оставлять ее со мной, что я могу ей как-нибудь навредить! Понимаешь, что ты натворил?! И Юлька теперь меня боится, даже в комнату не заходит!

– Я не виноват! – запротестовал я. Но Иола меня даже не слушала.

– Наплевать, виноват ты или нет! Меня навсегда отправят в больницу!

– Да брось! – сказал я, потому что надо же было что-то сказать. – Вовсе не навсегда. Из всех больниц выписывают.

Иоланта безнадежно качнула головой:

– Ты ничего не знаешь! Это специальная больница, для неизлечимых психов, понимаешь? Из нее не выписывают ни-когда!

– Но ты же не психичка!

Иола замерла и сидела тихо-тихо. А я вот снова не смог промолчать. У меня появилась идея.

– А ты напиши им письмо. Ну, объясни, что ты хотела ее просто укачать.

– Думаешь, они вообще в курсе, что я умею писать? – усмехнулась девочка. – Ну, знают только, что меня давно, в больнице, медсестра учила. Я до сих пор пишу им записки печатными буквами, чтобы не пугать.

– Но они ведь покупают тебе учебники.

– Просто так, из жалости. Думают, я играю, будто учусь в школе.

– Но надо же что-то делать!

– А я знаю, почему ты боишься, что меня отправят в больницу! – вдруг заявила Иола.

– Я вовсе не боюсь...

– Ну так сейчас испугаешься! Потому что знаешь, где эта больница? Она рядом с городом, в котором ты живешь!

Я похолодел, но тут же подумал, что я до сих пор не знаю, где живет Иола. Я вообще об этом никогда не задумывался. А она, выходит, знает, где я живу. Вот интересно, откуда?

– Что, думаешь, откуда я это знаю? – ехидным голосом спросила Иола. – Посмотрела на твоей тетрадке, идиот! И знаешь, если меня действительно заберут в больницу, то берегись. Я найду тебя и убью!

– Не убьешь! – сказал я. И даже засмеялся. Хотя мне было не до смеха.

– Ты уверен? – усмехнулась она.

– Ну, ты же спишь... И вообще ты девочка, как ты сможешь меня убить?

– Господи, какой придурок! – прошипела Иола. – Я приду, когда ты будешь спать! И задушу тебя подушкой!

– Ага, очень смешно! Да когда я сплю, то могу проснуться в любой момент, сама знаешь. Тебе ко мне не подобраться! – торжествующе произнес я. – Ты даже к дому моему подойти никогда не сможешь. Если я проснусь, ты упадешь прямо на улице, и тебя переедет машина!

На Иолу было жалко смотреть: так она огорчилась. Но все-таки собралась с духом и заявила:

– Ничего, я найду какой-нибудь способ. Ты еще меня не знаешь! Я обязательно придумаю, как добраться до тебя!

И такая ненависть была в ее голосе, что я дернулся и проснулся. Была середина ночи, но я не собирался снова засыпать – сполз с кровати и сел на пол. И решил, что просижу так до утра, лишь бы не слушать больше угрозы Иолы.

Потом сидеть стало тяжело, и я лег, подложив под голову ладонь. Страх мой уже прошел, злость – тоже. Я думал о том, как помочь Иоле. Потому что, когда я не видел девчонку и не слышал ее воплей, мне всегда становилось ее жаль. Я думал о том, что письмо – не такая уж плохая идея. Просто нужно рассказать родителям всю правду. Они поверят, вынуждены будут поверить – мне ведь отец поверил.

Глава четвертая

Две девочки

Утром мама перепугалась, обнаружив меня на полу. На верное, я действительно больше не спал, потому что с Иолой точно не разговаривал. Хотя и не мог толком вспомнить, как дождался рассвета. Голова болела, глаза слипались. Но когда мама предложила не ходить в школу, наотрез отказался. Я твердо решил стать хорошим учеником. Чтобы не мучиться мыслями, что Иола наблюдает за моими страданиями у доски.

Еще я планировал помириться с Иолой. И сказать, что готов ей помочь. Пусть она расскажет обо мне родителям, кому угодно. Может, какие-нибудь мудрые профессора придумают, как нам помочь. Может, такое уже случалось с кем-то и когда-то.

Но на следующую ночь мне не удалось поговорить с девочкой. И в последующую пару недель я ее почти не видел. Потому что она чаще всего даже не вылезала из-под одеяла. Или сразу садилась к столу и утыкалась носом в книгу. Я пытался говорить – она трясла головой и зажимала уши руками. Она больше не хотела со мной общаться. А может, ей просто было очень плохо: иногда я видел, как она тайком вытирает глаза.

Со временем я понял, что Иола никогда больше не станет разговаривать со мной. И смирился. Теперь по ночам я страдал не от страха, а от скуки. Иногда от нечего делать занимался тем, что из-за ее плеча читал учебник. Это пошло мне на пользу – в дневнике поселились первые пятерки.

А в моей жизни произошло важное событие – у меня появился друг.

Я уже объяснял, почему у меня в новой школе не было друзей. Слишком уж опасными врагами я обзавелся в первый же учебный день.

– Ну что, принес бабло? – услышал я голос Карлова в тот момент, когда скидывал ботинки в школьной раздевалке. Голос звучал мирно, но меня бросило в жар. Нужно было как-то покончить с этой историей. И лучше сейчас, когда вокруг ребята, да и техничка тетя Рая торчит у входа в раздевалку.

– Нет, – сказал я как можно тверже. – И не принесу. С чего ты взял, что можешь тянуть с меня деньги?

– Ух ты, как мы заговорили! – протянул Карлов и подошел ко мне почти вплотную. Я едва удержался, чтобы не попятиться.

– Такой смелый, когда вокруг толпа? – правильно разгадал одноклассник. – Так это не всегда бывает. В городе полно безлюдных мест.

В тот момент я был убежден, что никогда в жизни не окажусь в этих местах. И потому стоял на своем:

– Никаких денег я тебе носить не буду. Тоже, нашел дурака. Плевал я на тебя и на твою бригаду.

Карлов помрачнел и отошел от меня. Я был в тот момент таким идиотом: поверил, будто он и впрямь решил, что я крепкий орешек и связываться со мной не стоит.

В тот день я задержался в классе после урока химии – доделывал лабораторную. И так увлекся, что не заметил, как учительница вышла из класса и разбежались одноклассники.

Но не все. Стоило мне написать последнюю формулу, как поток воды обрушился на мою спину, плечи и тетрадь. Я вскочил и увидел всех троих: они стояли цепью за моей спиной, умирали от смеха.

– Что, длинный, хорошо помылся? – спросил меня Карлов. – Меньше вони будет в классе.

И плеснул остаток воды мне в лицо. Этого я вынести уже не мог: вскочил, схватил стул и врезал его ножками Карлову по коленкам. Парень взревел от боли и ярости. И тут они все набросились от меня.

Драться я не собирался – даже если и умел бы, все равно с тремя не справлюсь. Поэтому решил пробиваться к выходу из класса. В школьном коридоре избивать не посмеют.

Вот только они сразу раскусили мои планы. И начали теснить в угол класса. Один из парней железной хваткой зажал мне руки, чтобы я не прихватил по пути что-нибудь, чем можно защититься.

Меня спасло то, что в класс заглянула учительница математики, подруга нашей химички. Прищурилась подозрительно и спросила:

– Что вы тут делаете, ребята? А ну-ка марш из класса.

Я тут же бросился к выходу, едва не снес математичку и помчался по коридору прочь от класса. Но, видно, от растерянности не сообразил, что бежать надо вниз, к раздевалкам. А я метнулся на последний этаж, где учились выпускные классы. Там почему-то всегда было пустынно, старшеклассники или были на уроках, или тусили в столовой.

Так что мои враги, наверное, заранее торжествовали: избить меня на четвертом этаже им будет куда проще.

Расстояние между нами все сокращалось. Кто-то на ходу врезал мне кулаком в спину и я, хотя продолжал перебирать ногами, чувствовал, что падаю. И старался добежать до стены, чтобы не растянуться на полу. Не успел, упал раньше. И с ужасом увидел, как они окружают меня, лежащего, как гнусно скалятся от радости... от страха я закрыл глаза...

– А ну, мелкие, разбежались! – вдруг рявкнул кто-то.

Мои одноклассники тревожно застыли. Мне с пола не было видно, кто это говорит, но в тот миг я радовался даже небольшой отсрочке.

– Живо! – скомандовал голос. – Ваше страх потеряли, что ли?! Здесь территория старших классов. Позвать ребят, чтоб до вас легче дошло?

И стая дрогнула, нехотя отступила. Я не поднимался, потому что не верил до конца своему спасению. К тому же опасался, что тот, кто разогнал моих врагов, может теперь заняться мной. Я ведь тоже – нарушитель границы.

– Чего разлежся? – спросил голос у меня над головой. И я увидел парня, которого запомнил по первому дню в новой школе. Это он тогда стоял в дверях и собирал дань. Кажется, моя сестра назвала его Иваном. И дала понять, что во всей школе нет типа опаснее, чем он.

Я медленно встал. Мы оказались почти одинакового роста, правда, Иван был раза в три шире.

– Чего эти шакалы на тебя набросились? – спросил он.

Я пожал плечами:

– Не знаю. Я вообще новенький, у меня с первого дня с ними проблемы.

– А чего падаешь, как девчонка? – презрительно скривился новый знакомый. – На вид вроде не хилак. Что, не можешь с ними нормально разобраться?

– Я драться не умею, – признался я.

– А чего тут уметь? – повел огромными плечами Иван. – Надо просто кидаться на всякого, кто хоть слово вякнет в твою сторону Сразу и со всей злостью. Живо научатся тебя уважать.

Я только вздохнул. Теперь, наверное, придется кидаться, иначе изувечат.

– Ладно, – сказал парень. – Меня Иваном зовут. Иван Разин. Суперская фамилия, ага?

И протянул мне руку. Я ее пожал, волнуясь даже больше, чем когда убегал от ребят.

– Мы с тобой в одном дворе живем, – сообщил мне Иван. – Я тебя видел. Тебя в школу на машине возят, а я пешком прусь.

– Хочешь, я попрошу папу, он и тебя будет подвозить? – заволновался я. – Какая ему разница, сколько человек везти?!

– Ладно, поглядим, – солидным басом произнес Иван и хлопнул меня по плечу. – А я тебя научу сдачи давать. Чтобы уважали, понял?

Я с робкой надеждой кивнул.

В тот же вечер Иван зашел ко мне домой, вежливо поздоровался с мамой и позвал меня во двор. Вообще-то я собирался еще посидеть за уроками: хотя Июла больше не общалась со мной, я все равно пытался доказать ей, что в состоянии осилить школьную программу. Но разве можно отказать новому другу, такому взрослому, такому авторитетному?

Мы бродили по двору и болтали, пока не начал моросить дождь. Потом Иван пригласил меня к себе в гости.

– А твои родители дома? – спросил я.

– Не-а! – помотал головой Иван. – Они вообще поздно приходят. Не дрейфь.

Квартира Ивана оказалась совсем маленькой. Зато имелась вместительная кладовка, которую мой новый друг с гордостью представил мне как свою собственную комнату. Там был стол, и стул, и всякие спортивные прикамбасы вроде гантелей.

Матрас почему-то лежал прямо на столе. Иван пояснил, что на ночь разворачивает его и спит. Правда, ноги не умещаются, приходится класть их на табуретку и спать в виде буквы «Г».

– У вас ведь две комнаты? – спросил я. – Зачем же спать в кладовке?

– Комната сеструхина, – пояснил Иван и поморщился, будто лимон надкусил. – Я туда не суюсь. Хочешь, покажу, какой вес поднимаю?

В этот миг я услышал, как в замке проворачивается ключ.

– Родители? – заволновался я.

– Сестра, – опять скривился Иван. – Все, выметаемся на улицу, а то начнется...

И тут в комнату вошла девочка с нотной папкой – на ней еще клавиши были нарисованы. Волосы ее были гладко зачесаны и собраны в кичку на затылке. И все-таки я сразу понял: вот кого я уже месяц напрасно сторожил на балконе.

Наконец-то я мог разглядеть ее вблизи. У девочки были голубые глаза и очень бледное лицо. Волосы намокли и казались темными, но я-то помнил, что они – пушистые и золотые. Девочка смотрела на нас возмущенно.

– Ванька, родители велели никого домой не приводить! – сказала она брату. Ей пришлось закидывать голову, чтобы строго глянуть на него. На меня же – никакого внимания.

У моего друга окончательно испортилось настроение.

– Ладно, не ори, мы уходим, – пробасил он. – Настучишь на меня?

Девочка только усмехнулась. Но когда Иван пошел в кладовку за курткой, вдруг спросила меня:

– Мальчик, ты в какую школу ходишь?

Я ответил, заикаясь, что учусь с ее братом в одной школе.

– А в каком классе? Тоже в девятом?

– В восьмом, – выдавил я.

– И я в восьмом. – Она как будто удивилась такому совпадению. – Только я в гимназию хожу от нее ближе до музыкальной школы. А ваша школа бандитская, это все знают. Родители потому и не разрешают Ваньке никого домой приводить. Ты обиделся?

– Нет, что ты!

– Заходи, когда родители будут дома. Они с тобой познакомятся и разрешат Ваньке с тобой дружить. Договорились?

– Ага!

У меня просто ноги подкашивались от волнения. Я всегда был уверен, что ни одна девочка на свете не станет болтать со мной больше двух секунд. Она наверняка или начнет хохотать мне в лицо, или упадет замертво от скуки. А Ванькина сестра пока ничего такого не сделала.

Уже на улице я узнал от Ивана, что его сестру зовут Тася, что она противная, нудная и достала его своей музыкой. Я ответил, что тоже не в восторге от своей старшей сестрицы. А сам подумал, что отдал бы все на свете, лишь бы оказаться на Ванькином месте и иметь возможность видеть эту девочку каждый день. И как же здорово, что во всей школе именно Иван стал моим другом!

В ту ночь я долго не ложился, все торчал на балконе и пытался в светящихся окнах Ванькиной квартиры разглядеть Тасю. Уснул после полуночи, почти счастливый, и, конечно, сразу увидел Иолу. Почему-то не в комнате с желтыми занавесками, а совсем в другом и очень неприятном месте.

Вроде это была очередная больница. Только палата выглядела уж очень мрачной и неудобной. По обе стены от окна стояли койки, и на каждой спали люди. Они были очень странные: например, одна девочка колотила руками по одеялу и как будто напевала какую-то песню, а другая вообще спала сидя, свесив между колен нереально большую голову.

Я глянул на Иолу. Она медленно села в постели, как будто у нее совсем не было сил двигаться. Ее темные волосы, прежде всегда аккуратно забранные в хвост, были перепутаны и падали на лицо.

Иола стала искать под кроватью свои тапки. Один нашла сразу, а второй куда-то запропастился. Тогда она зажгла маленькую лампу-прищепку в изголовье кровати. И почти сразу в палату влетела медсестра.

Я понял по ее виду, что медсестра – тетка злющая и всех ненавидит. Она заорала на всю палату:

– Андреева, погаси лампу, живо! Не видишь, все спят! Ишь, взяла моду полуночничать!

Конечно, от ее крика все начали просыпаться. Девочка с большой головой вздрогнула и захныкала, как младенец. А другая, взрослая женщина, закричала со своей кровати:

– Что вы нас мучаете?! Уберите эту девчонку, или я приму меры! Я пойду к главврачу! Найдите ей особую палату!

Пока она возмущалась, Иола молча сползала под кровать, нашла свой тапок, обулась и вышла в коридор. Медсестра кричала ей вслеп:

– У тебя пять минут, Андреева! Чтб сделала быстро свои дела, а потом – в кровать, и тихо, как мыш!

Иола скованной походкой шла по коридору. Как будто боялась, что из темноты кто-то выскочит на нее. Я был рядом, как всегда, но никак не решался с ней заговорить. Не доходя до туалета, она свернула в маленький закуток с окошком и прижалась носом к стеклу.

– Иола! – позвал я совсем тихо, не надеясь, что девочка отзовется.

Но неожиданно она ответила мне слабым голосом:

– Ну чего тебе?

– Иола, это что, та самая больница?

– Сам не видишь? – начала закипать она.

– Но почему тут так ужасно?! Те, в которых ты раньше лежала, были лучше, и медсестры в них нормальные.

Иола дернула головой, всхлипнула и прижала руки к лицу.

– Потому... – борясь с рыданиями, прошептала она. – Потому что в тех больницах меня пытались вылечить, а в эту просто сдали, навсегда!

– Как навсегда?! – заорал я. – Не может быть!

– Ну, не знаю точно... Мама говорила, что они будут искать хорошую клинику. Вроде здесь я временно. Но я не верю! – вдруг выкрикнула она. – Они просто забудут обо мне, и я останусь здесь на всю жизнь, понимаешь?!

Иола зарыдала. Все это было ужасно, и я совершенно не знал, как ей помочь. Пока не вспомнил свой прежний план.

– Слушай, не надо плакать, я знаю, что нужно делать, – сказал как можно тверже. – Я сам напишу твоим родителям. Скажи мне адрес.

– Отстань от меня! – прошептала девочка. – Ты мне не поможешь.

– Нет, помогу, – настаивал я. – Я напишу им всю правду! Ну, легко же проверить, что мы действительно видим друг друга во сне. Может, такое уже бывало раньше, и ученые знают, как нас... ну, разъединить.

Иола несколько минут молчала, и я уже начал надеяться, что она согласится на мой план. Но тут я услышал, как медсестра зовет ее противным злым голосом. Иола подскочила и зашипела:

– Никогда больше не разговаривай со мной, слышишь! И не смей никому писать, все равно не поверят! Ты просто боишься, что теперь я доберусь до тебя. Потому что я совсем рядом! Тебе конец!

– Иола, перестань! – взмолился я.

Но тут появилась медсестра.

– Ты с кем тут разговариваешь? – спросила она, подозрительно водя длинным носом по всем углам.

– Ни с кем.

– Ты это брось – Медсестра подошла к Иоле почти вплотную, и я очень испугался, что она сейчас ударит ее. – Мне сказали, ты только спишь все время, так что нечего тут психичку изображать. Возьми на раздаточном столике еду, съешь – и быстро в постель. Все ясно?

– Ясно, – сказала Иола, низко склонила голову и побрела в столовую, есть остывшую и заветренную еду из пластиковой миски.

Глава пятая

Иола в беде

Утром я проснулся в ужасном настроении. Я понял: нужно что-то делать, срочно помочь Иоле. Иначе спать спокойно мне не придется никогда.

Был выходной день. Отца, правда, не было дома, в последнее время он постоянно пропадал у себя на фирме. Мама на кухне возилась с кастрюлями, готовила обед на всю неделю. Я подошел к ней сзади, подергал за завязки передника и попросил: – Мама, поговори со мной пару минут!

Она обернулась и глянула на меня как-то очень подозрительно:

– В чем дело, Алеша? Опять неприятности в школе?

– Да нет...

– Тогда, пожалуйста, займись чем-нибудь до обеда. Ты видишь, у меня очень много дел.

Но я решил, что не отступлю, пока не поговорю с мамой. Тем более я знал, что в больницах суббота и воскресенье – приемные дни. Я надеялся, что мать поверит мне и я уговорю ее завтра навестить вместе со мной Иоланту.

– Это очень важно, – сказал я.

Тогда мама опустила на табуретку и посмотрела на меня тревожными глазами. И я, чтобы не пугать ее еще больше, поскорее начал рассказывать:

– Мам, помнишь, я тебе говорил, что мне каждую ночь снится одна и та же девочка? Ну когда был еще маленьким. Так вот, теперь я точно знаю, что эта девочка действительно существует!

Мама улыбнулась. Лицо у нее вдруг стало такое молодое – давно такого не видел. И спросила:

– Ты влюбился, сынок?

Кровь шибанула мне в лицо. Захотелось рывкнуть на мать и убежать с кухни, но не бросать же такое важное дело на полпути.

– Нет, при чем тут это! Зачем ты выдумываешь? Если бы ты ее видела, то никогда бы так не сказала! Она все время ругается или плачет!

– Ну и хорошо в таком случае, что я ее не видела и никогда не увижу, – усмехнулась мать и снова встала к плите. – Постарайся смотреть в своих снах на каких-нибудь других девочек.

– Ты не понимаешь, мам! – вспыхнул я. – Она плачет, потому что ей очень плохо! Она просыпается, когда я сплю, и засыпает, как только просыпаюсь. Но я могу сам проснуться, а она – нет. Поэтому ей нельзя ходить в школу, гулять во дворе и вообще... жить дома. Теперь ее отдали в больницу, просто ужасную. Может быть, навсегда, на всю жизнь отдали! Понимаешь?

Мама больше не смеялась, а смотрела на меня очень внимательно. Мне показалось на мгновение, что она действительно меня поняла... но только показалось!

– Не понимаю, сынок, что я могу для тебя сделать? – спросила мама. – Чего ты от меня ждешь?

– Помоги мне! – взмолился я. – Я знаю, что ее привезли в наш город, значит, она где-то рядом. Мы можем обзвонить больницы, найти и навестить ее. Потом ты бы могла написать ее родителям, и вообще...

– Что вообще, Алеша? – тихо спросила мама.

– Ну, как-нибудь помочь, – пробормотал я, уже понимая, что ничего не вышло.

– Сыночек, послушай меня... Давай с тобой договоримся, что это всего лишь сон. Потому что, если ты еще будешь говорить об этом, я стану очень бояться за тебя. Ты же не хочешь, чтобы я переживала, правда?

– Не хочу, – согласился я. – Но, мама, она угрожает меня убить, между прочим! Если я ей не помогу, она когда-нибудь доберется до меня! Ты ведь тогда будешь еще больше переживать, разве нет?

– Иди в свою комнату, Алексей, – сказала мама усталым голосом. – Сейчас я больше не хочу говорить об этом. Думаю, и в будущем не стоит возвращаться к этой теме.

И я, как оплеванный, поплелся в комнату. Днем зашел Иван, позвал меня в гости. Он хотел познакомить меня с родителями, чтобы они увидели меня и разрешили заходить в любое время.

Идти мне никуда не хотелось. Я переживал, что мама все еще ходит с таким лицом, будто я рассказал ей о себе что-то постыдное и ужасное. И за Иолу – вдруг ее прямо сейчас обижают соседки по палате, а она не может проснуться и разогнать их. И мне не хотелось, чтобы Тася видела меня в таком жалком состоянии. Но все-таки Иван настоял на своем.

Родители его мне понравились. Они были веселые, подшучивали друг над другом, накормили нас обедом так, что встать было невозможно. Тася в своей комнате играла на пианино, по-моему, совсем как взрослая музыкантша. Она вышла к чаю, улыбнулась мне приветливо, как хорошему другу. И мне ужасно захотелось, чтобы так оно и было.

Правда, тут выяснилось, что Иван должен садиться за уроки и на улицу больше не пойдет. Я растерялся, не зная, как себя вести: нужно ли уходить сразу или посидеть еще немножко. От волнения прилип к стулу. И вдруг Тася спросила:

– Сходишь со мной за хлебом? А то после дождя земля скользкая, я боюсь упасть и повредить пальцы.

Я тут же отклеился от стула, вскочил и сказал:

– Конечно, пошли!

По пути к магазину Тася шагала впереди, а я плелся за ней. Сам не знаю, что мне мешало просто идти рядом, но ей приходилось всякий раз поворачивать голову, чтобы задать вопрос. А вопросов было много.

– А ты правда учишься в восьмом классе?

– Ну да, – сказал я. – А что?

– Родители сперва подумали, ты из Ванькиного класса. У нас в классе, например, нет таких высоких парней.

Я покраснел от удовольствия и опустил голову, чтобы румянец не был замечен.

– А почему ты дружишь с Ванькой?

– Что, нельзя? – удивился я.

– Ну, не знаю... Ведь он старше тебя. И он хулиган. Родителей даже в полицию много раз вызывали.

– А я тоже хулиган! – вдруг заявил я и сам удивился своим словам. Это уж точно была распоследняя ложь.

– Ты? – Тася развернулась ко мне и удивленно заморгала. – Вот никогда бы не подумала!

Мне показалось, что она посмотрела на меня с отвращением и тут же немного ускорила шаг. Я был готов откусить себе язык! Надо же ляпнуть такое девочке, которая мне нравилась. Я плелся следом за Тасей, не зная, как исправить положение. А она больше не поворачивала голову.

Вдруг, когда мы уже почти были у магазина, девочка поскользнулась на краю большой лужи и отчаянно замахала руками, стараясь удержать равновесие. Я бросился к ней, схватил за плечи и держал, пока она не встала ровно. Потом поспешно отступил назад.

– Спасибо, – чуть задышавшись, сказала Тася. И добавила задумчиво: – Знаешь, приходи к нам почаще. У Ваньки хоть один нормальный друг появится.

У меня отлегло от сердца. На обратном пути я уже шел рядом с Тасей, и хотя и не касался ее, но держал руку согнутой в локте и всем видом выражал готовность поддержать, если она снова поскользнется.

Вечером я рано уснул и увидел Иоланту в каком-то странном виде. Она лежала на кровати, плотно закрыв глаза, хотя я точно знал, что она никак не может спать сейчас, когда спал я. Поэтому позвал ее:

– Иола!

Сначала она даже не шевелилась, и я всерьез испугался. Но потом тихонько встала и выскользнула из палаты. Прижимаясь к стене, девочка на цыпочках шла в сторону пищеблока. Сестра, к счастью, дремала на своем посту и даже не открыла глаза, когда Иола пробиралась мимо.

Забившись в закуток за кухней, Иола наконец заговорила. Голос ее звучал хрипло и как будто испуганно:

– Чего тебе?

– Просто хотел спросить, как ты.

– Плохо! – прошипела она в ответ

– Что еще случилось?!

– А ты сам не понимаешь? – спросила она таким голосом, как будто я издевался над ней. – Не видишь, куда я попала? Вчера ночью слышала разговор двух медсестер.

– Я тоже слышал, – сказала. – Но они же просто шутили!

– Ничего подобного! Одна говорила, что ее раздражают мои шатания по ночам. А вторая сказала, что в таком случае надо сразу делать мне укол, чтобы я, как нормальная, спала по ночам. А днем – это уж мое дело, их не касается. Она сегодня дежурит, гадина. Мне надо вернуться в палату, пока она не заметила, что я встала. Иначе точно иглу мне всадит. Таблетки я давно научилась выплевывать, но это...

– Подожди! – крикнул я. – Иола, ты знаешь точно, где находишься? Ну, адрес больницы? Мы с мамой обязательно навестим тебя и придумаем, как тебе помочь!

Тут Иола засмеялась – невесело, злобно. И сжала кулаки.

– Вы с мамой? – протянула она. – Совсем идиот? Твоя мама никогда тебе не поверит. Я видела, какое у нее было лицо, когда ты с ней говорил. Да тебя самого сплавят в больницу!

– Никуда меня не сплавят! – заорал я, возмущенный таким предположением. – Мама просто была занята, но потом она обязательно выслушает и мне поверит!

Иола побледнела так, что даже в полутьме было заметно. Потом проговорила тихо, но голос ее вибрировал от ненависти:

– Ну и не смей со своей мамочкой сюда соваться! Мне ваша помощь не нужна! Лучше общайся с той белобрысой уродиной, которая на пианино играет!

– Тася – не уродина, – возразил я из чувства справедливости.

– Исчезни! – рявкнула Иола.

Как будто я мог! Я только хотел это напомнить, когда услышал чужой раздраженный голос:

– Андреева! Где шляешься? Живо отзовись!

Иола оцепенела от ужаса. Я посмотрел в сторону коридора и увидел тощую, морщинистую медсестру, спешащую к девочке по коридору. Вид у нее был такой злобный, что я дернулся – и проснулся.

...Я вскочил с кровати и зажег настольную лампу. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышал весь дом. Я даже удивился, как это никого не разбудил.

Все было ужасно! Я пытался представить, что сейчас происходит с Иолой. Она уснула, и медсестре пришлось тащить ее в палату на руках. Теперь совсем взбесится. Но хотя бы не станет делать Иоле укол, ведь она и так спит. Или станет?

На всякий случай я решил больше не засыпать в эту ночь. Вдруг злобная тетка сейчас стоит над Иолой со шприцем в руке и ждет, когда та откроет глаза?

Я распахнул окно, пытаюсь окончательно проснуться. От сквозняка дверь заходила ходуном, и я тут же прикрыл створку, боясь разбудить родителей. И уже через пять минут мне ужасно захотелось спать. Я стал ходить на цыпочках по комнате, стараясь взбодриться. И продолжал гнать сон до самого звонка будильника.

К этому времени я уже устал так, будто всю ночь рыл землю. Машинально натянул на себя школьный костюм и поплелся в другую комнату.

Удивительно, но в этот раз за завтраком собралась вся наша семья: папа, мама, Кира.

– Как спал, Алеша? – спросила мама, когда я рухнул на табуретку.

Я пожал плечами. Да никак!

– Кошмары не беспокоили?

Мне показалось, что они с отцом как-то странно переглянулись. Я отрицательно помотал головой.

– Ну и хорошо, – сказала мать вроде как с облегчением. А отец очень внимательно посмотрел на меня.

На следующую ночь мне не удалось узнать, обошлось ли у Иолы с медсестрой, – она просто не стала со мной разговаривать. А может, не могла – если ей ввели лекарство, то все, связь потеряна. И так продолжалось всю следующую неделю.

В понедельник первым уроком была алгебра. Я знал, что меня могут спросить: был конец триместра, а в журнале у меня четверки чередовались с тройками. Поэтому просидел полночи, повторяя параграфы и решая задачи.

Конечно, классная вызвала меня к доске первым. Сунула мне в руки карточку с заданием. Я прочел условие и удивился. Задача совсем не показалась мне сложной, наоборот, просто смешной: в последнее время я множество таких перерешал.

Я быстро и уверенно записал на доске условие, потом повернулся к учительнице и твердо произнес:

– Здесь нужно составить уравнение!

– Составляй, – кивнула учительница, и в ее глазах я заметил скрытое одобрение.

Я окончательно приободрился, четко, изо всех сил налегая на мел, записал уравнение на доске, а затем приступил к решению.

Все уже было почти готово, оставалось только написать ответ...

«Идиот! – насмешливо произнес до чертиков знакомый голос. – Здесь надо умножать, а не делить!»

От неожиданности я дернулся, прижался спиной к доске и в ужасе обвел глазами класс. Нет, конечно, никто ничего не слышал, все спокойно занимались своими делами. Я попытался взять себя в руки: все нормально, просто Иола никогда раньше не разговаривала со мной, когда я не спал. Значит, вот как она слышит мой голос. Как будто кто-то стоит рядом с тобой и говорит в самое ухо.

Я уставился на свое уравнение, проверил каждую цифру, каждый знак. Нет, кажется, составлено верно. Но на всякий случай быстро стер ладонью последнюю формулу.

– Леша, что с тобой? – спросила учительница. – Ты так уверенно начал. Почему сейчас застыл?

Я потянулся к доске, собираясь вывести окончательную цифру.

«Условие перечитай! – хихикнула Иола. – Или даже читать нормально не научился?»

Я снова отскочил от доски и уткнулся носом в карточку. Но условие, которое только что казалось таким четким и ясным, теперь утратило всякий смысл. Какие-то туристы куда-то идут... навстречу друг другу... или в разные стороны?

«Что, понял, какую ерунду написал? – спросила Иола. – И таблицу умножения ты не знаешь. Ну, сколько будет семь умножить на семь?»

Действительно, сколько? Сорок семь? Сорок девять?

– Отстань от меня, – прошипел я себе под нос. Мне так хотелось, чтобы этот голос перестал звучать в моей голове! Тогда бы я еще смог все исправить.

– Что? – спросила учительница, которая, оказывается, подошла совсем близко. – Что ты там шепчешь?

В классе уже начались смешки. Я на мгновение обернулся и заметил, что все смотрят на меня с любопытством и веселым ожиданием. И от этого растерялся еще больше.

– Ну давай, заканчивай, ты почти решил!

Издевалась учительница надо мной, что ли? Видела, что уравнение записано неправильно, и только ждала, когда я закончу, чтобы разнести мое решение в пух и прах?

Я еще раз попытался взять себя в руки. Перечитал условие. Посмотрел на доску. И твердо вывел решающую цифру.

«Ой, какая чушь! – протянула Иола. – Все, все неправильно!»

– Отвяжись от меня! – крикнул я. И в ужасе зажал рот ладонью.

Но было уже поздно. Класс повалился на парты от хохота, а учительница смотрела странным и даже испуганным взглядом. А потом спросила тихо-тихо:

– Алеша, с кем ты говоришь?

– Ни с кем, – прошептал я.

– Хорошо, садись на место.

– Я еще не дорешал...

– Ничего, с этой задачей все понятно, у нас сейчас будет новая тема, – твердо проговорила учительница. – Иди за парту.

Я сел и до конца урока старался не шевелиться и не привлекать к себе внимания. Меня трясло. Я не понимал, зачем Иола так поступила. Действительно хотела помочь? Но ведь учительница не сказала, что задача решена неправильно, и даже дала классу минуту на списывание моего решения в тетради. Иола ошиблась? Или... сделала это специально?

Когда прозвенел звонок, я не двинулся с места. Даже не забрал свой дневник, который, выходя к доске, положил на учительский стол. Дежурный по классу швырнул его мне. Я осторожно открыл нужную страницу, гадая, какую оценку там увижу. Но там ничего не было.

Глава шестая

Псих

Я хотел просидеть за партой всю перемену, но дежурный нудел над ухом, что все должны покинуть класс для проветривания. Я встал и почувствовал, как подкашиваются ноги. Видно, перенервничал у доски. Вышел из класса и прислонился к стене.

И немедленно передо мной возник Паша Карлов, заклятый враг. Корчась и делая вид, что отрывает от себя чьи-то руки, он завопил тонким, отвратительным голосом:

– Отстань от меня! Не трогай меня!

Я ткнул его кулаком в грудь. Пашка отскочил и завопил на весь коридор:

– Ой, не тронь меня, я тебя боюсь!

Я заметил в стороне нескольких ребят из нашего класса. Они смотрели на меня и о чем-то активно шептались. Наверняка обсуждали происшествие в классе. Невозможно было торчать у них на виду всю перемену, поэтому я отлип от стены и бросился по лестнице вниз, к раздевалкам.

Обычно там дежурила техничка и никого в неположенное время в раздевалки не допускала, но сейчас ее не было на месте, и я быстро забился за самую дальнюю вешалку. Кажется, пришло время кое-что обсудить с Иолантой.

– Зачем ты это сделала? – прошипел я.

«Что сделала?» – От ее невинного голоска меня так и затрясло от злости.

– Сама знаешь что! Зачем привязалась ко мне с этой задачей? Специально, чтобы выставить дураком перед классом?

«Нет, конечно, – хихикнула Иола. – Ты и сам себя очень хорошо имставляешь. Просто подумала, что ты, как всегда, напутал с решением».

– Не ври! Ты прекрасно видела: я правильно все делал! Сама вечно хвастаешься, что все эти задачки по сто раз перерешала.

«А может, у меня в голове все перемешалось, – вздохнула девочка. – Такое, знаешь, случается, когда падаешь прямо на пол. У меня до сих пор на голове огромная шишка».

– Но я же не виноват! – заорал я.

В этот миг мне показалось, что кто-то заглянул в раздевалку. Я зажал ладонью рот и даже присел от испуга на корточки. Не хватало, чтобы меня кто-нибудь застукал за беседой с невидимкой: точно решат, что я псих. Но нет, все было тихо. Только назойливо звучал в голове голос Иолы:

«Не виноват? А разве так трудно держать себя в руках и не просыпаться каждую секунду? Мне было ужасно больно!»

– Просто я увидел медсестру и испугался! – оправдывался я. – За тебя!

«Он испугался! Ой, какой же ты слабак!»

В этот миг я понял, что ненавижу Иолу. И мечтаю только об одном: никогда больше не слышать ее голос! Ненависть переполнила меня, я стиснул кулаки, затряс головой и заорал что было сил:

– Молчи, молчи, молчи!

– Алеша!

Я вздрогнул и обернулся ко входу в раздевалку. Там стояли техничка и наша классная Маргарита Петровна. Учительница смотрела на меня круглыми от испуга глазами. Техничка – та вообще держалась руками за грудь и лепетала:

– Я думала, поймала воришку, что по карманам шарит! А тут он! Ах ты ж, бедный мальчик!

Учительница подошла ко мне, взяла за плечо и вывела на свет, в коридор. Молча оглядела с ног до головы и сказала:

– Пойдем, посидишь в учительской, Алексей. Я позвоню твоим родителям, пусть кто-нибудь придет за тобой.

– Зачем? – не понял я. Если она хочет отправить меня домой, то я и сам отлично дойду, не маленький.

– Так надо, – уклончиво ответила классная. – Мне кажется, ты не совсем здоров сегодня. Так что, пожалуйста, не спорь со мной.

Я пожал плечами и поплелся в учительскую. Меня очень волновало, что скажет учительница маме. Но та говорить при мне ничего не стала, ушла, наверное, в кабинет директора. Я хотел воспользоваться случаем и улизнуть, а потом понял, что будет только хуже. В класс возвращаться нельзя, а смыться домой – меня туда и так отправляют. Хорошо хоть, Иола притихла.

Мать скоро приехала за мной и долго разговаривала с учительницей в коридоре. Я думал, что по дороге домой мама сразу выложит мне, в чем я виноват, как это обычно бывало. Но она молчала, только время от времени очень странно на меня посматривала.

Дома тоже все пошло как-то не так: после обеда я хотел заняться уроками, но вошла мама и почти вырвала книжки у меня из рук. И сказала, что уроки мне делать не надо, потому что все равно я завтра в школу не пойду.

– Почему это? – изумился я.

Мать посмотрела на меня несчастными глазами и снова вздохнула:

– Ну Маргарита Петровна считает, что ты немножко переутомился и тебе нужно побывать у доктора.

– Почему? – повторил я.

– Ну как это почему? Маленький, что ли, не понимаешь? И вообще, с каких пор ты не радуешься возможности денек отдохнуть от школы?

Нет, я был рад, конечно, особенно после сегодняшнего случая у доски. Пусть уж лучше ребята его подзабудут. И не делать на законных основаниях уроки было приятно. Только что толку? На улицу меня все равно мать не пустила, компьютер включить не позволила. До самого вечера я тоскливо слонялся по квартире.

Ночью я увидел Иолу в постели. Она лежала, накрыв голову одеялом, так тихо, что, казалось, спала. А может, и в самом деле спала? Может, медсестры все-таки начали делать ей уколы на ночь?

После обеда мы с матерью поехали в больницу. Мне было очень не по себе: врачей я побаивался с детства. Хорошо хоть, речь шла не о стоматологе. Самое большое, что мне грозило, – это удар молоточком по колену и множество нудных вопросов. Придется как-то выкручиваться: не рассказывать же врачу об Иоланте.

Еще мама сказала, что в больницу за нами заедет отец и после мы все вместе поедем в парк и немного погуляем. Я обрадовался: в последнее время я видел отца редко.

Нас приняли сразу. Сначала мы зашли в кабинет вместе с мамой, но потом меня попросили немного посидеть в коридоре. Доктор мне понравился: такой добрый седенький дядечка. Так что я спокойно ждал, пока мама расписывала ему мои проблемы. Потом меня позвали в кабинет.

– Ну вот, – сказал доктор и похлопал меня по плечу. – Теперь мы с молодым человеком посекретничаем, а мамочка нас снаружи подождет.

Я быстро оглянулся, отыскивая взглядом того молодого человека, с которым нам предстояло говорить. Но в кабинете никого больше не было. Тут я понял, что доктор имел в виду меня, и даже прыснул. Мама выскочила из кабинета так поспешно, будто ее выгнали из класса. Мне показалось, что глаза ее были красными.

И начались расспросы. Доктор желал знать, нравится ли мне учиться в школе, легко ли я справляюсь с уроками. Много ли у меня друзей. Я отвечал ему, как мог, потому что в тот момент думал совсем о другом.

Я думал: вот интересно, этот добряк доктор поймет меня, если я расскажу ему об Иоле? Или сразу вызовет санитаров и даст команду связать меня по рукам и ногам? Нет, конечно, говорить ему ничего нельзя, не то место, чтобы вылезать с такими признаниями.

Но ведь этот старенький врач, наверное, много разных пациентов принял за свою ужасно долгую жизнь, вдруг он и о чем-то подобном слышал? А потом, ему пара пустяков узнать, в какой из больниц нашего городка лежит Иоланта. Может, рассказать ему все так, как будто это случилось с одним моим знакомым? Меня так увлекла эта идея, что я почти перестал отвечать на вопросы.

– Я еще ненадолго займу ваше внимание, – очень вежливо сказал мне доктор и достал откуда-то стопку бумажек. Он начал показывать мне какие-то странные картинки и всякий раз спрашивал, что мне приходит в голову, когда я смотрю на изображение. Я увлекся и на время даже забыл о своей идее. Разглядывать пятнышки было прикольно.

Наконец в руках доктора осталась только одна: черные капли на белом фоне. Я хотел сказать, что эта картинка напоминает мне следы на снегу. И вдруг в голове моей громко и резко прозвучал голос Иолы:

«Пятна крови!»

От неожиданности я вздрогнул, прижал ладони к ушам и испуганно взглянул на доктора. Мне показалось, невозможно не услышать такой громкий вопль. Доктор смотрел на меня очень внимательно.

– Что случилось, молодой человек? – спросил он. – Устали?

– Нет, – выдавил я.

– Продолжим?

Я кивнул. И снова услышал голос, произнесший ужасные слова:

«Сидишь тут, ждешь, что твой папочка за тобой приедет! А он не приедет! Не жди!»

Тут я, конечно, забыл про доктора, вскочил со стула и громко крикнул:

– Почему?!

«Потому что он только что в аварию попал, вот почему!» – отрезала Иола.

– Ты врешь! Откуда ты можешь знать?

Краем глаза я видел, что доктор перегнулся через стол и что-то говорит мне. Губы его шевелились, но в этот момент я мог слушать только Иолу.

«Не веришь? – тихо спросила Иола. – Выгляни в окно и сам все увидишь!»

Конечно, я бросился к окну. Но мы были на шестом этаже, и из него не было видно дорогу – только сквер напротив. Тогда я мигом вскочил на подоконник и прижался лицом к холодному стеклу. Но все равно видел только тротуар.

Доктор был уже рядом, он обеими руками крепко держал меня за брюки и пытался стянуть с подоконника. И громким голосом звал кого-то на подмогу. Я отпихивал его руки и пытался распахнуть раму. Тут дверь в кабинет распахнулась, вбежал мужчина в белом халате, а за ним – моя мама. Мужчина без лишних слов сгреб меня в охапку и стащил вниз. А мать замерла в дверях, прижала ладони к щекам.

– Ма-ам! – вопил я, извиваясь в чужих сильных руках. – Позвони папе, узнай, с ним все в порядке? Прямо сейчас позвони!

Мама несколько мгновений смотрела на меня так, будто я вдруг заговорил на иностранном языке. Потом расклеила совершенно белые губы и прошептала:

– Сыночек, не бойся, с нашим папой все в порядке. Он уже приехал, поднимается по лестнице.

Я сразу успокоился и повис на руках санитара. Так, понятно, Иола опять меня обманула. Но зачем? Ах да, она же обещала, что испортит мне жизнь. Думаю, ей это удалось: после такого выступления доктор от меня не скоро отвяжется.

Потом я снова сидел в коридоре. Но теперь уже не один, а в компании санитара, который прежде снял меня с окна. Конечно, в его присутствии я не мог сказать Иоле, что думаю о ее последней выходке. А сказать ужасно хотелось.

Родители за дверью разговаривали с доктором. Когда они вышли, у мамы был насморочный вид, а отец показался мне очень сердитым. На меня он глянул как-то странно. А мне так хотелось обнять папку и объяснить, что я ужасно испугался за него! Но когда отец в таком состоянии, к нему лучше не подходить, это я знал точно. Поэтому молча поплелся к лифту, а родители шли по обе стороны от меня, словно боялись, что я еще что-нибудь выкину. Ни в какой парк мы в этот день не поехали. Дома родители сказали, что мне придется немного полежать в больнице.

Ночью Иола снова не пожелала со мной говорить. Она лежала под одеялом, но я понял, что она не спит – по тяжелым вздохам время от времени. Это меня не остановило, и я сказал:

– Я знаю, что ты меня ненавидишь, всегда ненавидела. Хотя я ни в чем не виноват перед тобой! Я, что ли, придумал всю эту фигню? Я всегда хотел тебе помочь, всегда думал, как это сделать. Но теперь все! Выкручивайся сама! Знать тебя больше не хочу! Вот так и лежи все время под одеялом и не показывайся мне на глаза!

Я проорал эти злые слова – и в самом деле почувствовал, как меня захлестывают злость и отвращение. Отвел глаза от Молиной постели и до своего пробуждения рассматривал ее палату, хотя и невозможно было придумать более скучное занятие.

Утром мама накормила меня завтраком и велела надеть чистую одежду. А потом мы снова поехали в больницу, но не в ту, где я вчера так неудачно пообщался с доктором, а в Питер. Мама сидела рядом со мной на заднем сиденье и всю дорогу молча обнимала меня за плечи. А папа... Мне показалось, он по-прежнему сильно злится на меня, так, что даже

смотреть в мою сторону не желает. Это очень мучило меня, гораздо больше, чем страх перед новыми докторами.

Питерская больница была просто огромная. Но оказалось, что в палате я буду только с одним мальчиком. У нас там даже был телевизор! А у моего соседа на тумбочке стоял ноутбук, и я ужасно пожалел, что не догадался прихватить свой. Мне и в голову не пришло, что в больницу можно брать такие вещи. Я умоляюще посмотрел на мать, и она – чудеса! – сказала, что привезет завтра все, что мне нужно. Отец в отделение не поднялся, остался ждать в подземном гараже.

– Мама, – спросил я, когда мы остались в палате одни. – А почему папа злится? Я же ни в чем не виноват... вроде как...

– Ну что ты, Алеша, – перебила меня мама. – Он совершенно на тебя не сердится. Просто очень расстроен из-за твоих проблем со здоровьем.

– Ну ты тоже расстроена, – предположил я. – А не выглядишь сердитой.

– Понимаешь, мужчины иначе выражают свое беспокойство за кого-то. Папе кажется, будто его вина, что ты попал в больницу, он что-то не предусмотрел, вовремя не проконтролировал. Сам когда-нибудь поймешь.

Я немного успокоился. И почти сразу меня повели на прием. Врачиха показала мне очень старой и очень сердитой и вопросы задавала примерно те же, что и вчерашний доктор. Очень долго, я даже устал.

Один вопрос заставил меня заволноваться. Женщина спросила, какие сны я вижу. Еще вчера я обрадовался бы возможности поговорить о том, что меня волновало, может, даже рассказал бы ей об Иоле. Но сегодня я и не подумал это сделать. Во-первых, я знать не хотел злобную девчонку и не собирался ей помогать. Во-вторых, я смутно догадывался, что только наврежу себе таким рассказом.

И я ответил, что никогда не запоминаю свои сны, – однажды слышал эту фразу от кого-то на улице. Врачиха сразу отстала насчет снов, зато стала задавать множество вопросов о школе: тяжело ли мне учиться, устаю ли я, что делаю на переменах. А потом сказала:

– Ладно, Леша, ни о чем не волнуйся, выполняй, что тебе скажут, и все будет отлично. Мы с тобой станем встречаться каждый день. А сейчас иди на обед.

Вечером в палату зашла медсестра, молодая, с веселым симпатичным лицом. Совсем не похожая на тех ужасных теток, что так ужасно обходятся с Иолой. Я почему-то все время сравнивал свое положение с Иолиным. И думал о том, что она вконец обозлится, когда увидит, как я тут хорошо устроился. Меня немного волновал вопрос: не выкинет ли она еще какой-нибудь номер?

Медсестра принесла на подносе смешные маленькие стаканчики и дала один мне, а другой – моему соседу Илье. В стаканчиках были разноцветные таблетки. Мы проглотили их и сразу запили водой – она была тут же на подносе, в стаканах. Потом медсестра с улыбкой попросила нас открыть рты и показать ей язык. Это меня изумило! С чего она взяла, что я стану ее обманывать? Да и таблетки были совсем не горькие и не противные. А еще я про себя подумал, что снова буду спать спокойно, а не любоваться всю ночь на злобных теток и страдающую Иолу.

Рано утром пришла докторша, подошла сначала к соседу – он тоже был ее пациентом. Они о чем-то поговорили, а потом она поднялась и с улыбкой направилась ко мне:

– Ну, Леша, как спалось на новом месте?

– Хорошо! – отрапортовал я. – Снов никаких не видел.

И это была чистая правда. Не видел, и еще долго не увижу, не один же раз придется пить таблетки. И вдруг мне стало как-то тревожно. А вдруг с Иолой что-нибудь случится, а я даже знать об этом не буду? Так я хотя бы был в курсе, что с ней происходит.

Вдруг меня поразила странная мысль: а что будет со мной, если Иоланта умрет? Ведь мы с ней связаны, это очевидно. И неизвестно, насколько сильно.

Мне вспомнилось, как я однажды читал про сямских близнецов. Один из них умер, а второй пережил брата лишь на несколько часов. И умер от заражения крови, она ведь у них была общая. Я долго был под впечатлением от той истории. Ночью не мог спать, думал о том, как страшно знать, что скоро умрешь и никто тебе не поможет. А если я теперь уже умираю, но пока не догадываюсь об этом?

После обеда были приемные часы. Ко мне пришла мама, принесла ноутбук, мои диски и целую сумку вкуснятины. Еще вчера я бы прыгал до потолка, но сегодня ничто не могло привести меня в чувство. Мать, конечно, это сразу заметила и очень разволновалась.

– Что случилось, сынок? – спросила она тревожно. – Плохо себя чувствуешь? Вялость, голова болит?

– Нет, – вздохнул я.

– Скажи, что случилось! – настаивала мама.

И тогда я решился. Дело было слишком серьезным, чтобы отмалчиваться:

– Мама, помнишь, я рассказывал тебе о девочке? Ну, о той, которую вижу каждую ночь, когда сплю? Ее зовут Иола.

Мать молча смотрела на меня и ждала, что еще я скажу.

– Ну вот, я сегодня спал, а ее не видел, из-за таблеток. Ну, мы с ней давно знали, что если пьешь таблетки, то ночью другого не видишь. Только я очень волнуюсь, как бы с ней что-нибудь не сделали в той больнице, где она лежит. Мамочка, может, ты бы могла узнать...

Я даже не закончил свою просьбу. Мама вдруг широко улыбнулась, а потом крепко обняла меня и зашептала в ухо:

– Слава богу, Алеша! Не видишь – и замечательно, забудь о ней, пожалей нас с папой.

Я не понимал, чему она радуется. Ведь я же четко сказал, что и раньше знал про таблетки. Да я и после визита к стоматологу Иолу по несколько ночей не видел! Нет, мама совсем не желала меня понимать. И просить ее о помощи было бесполезно.

Она скоро ушла, почти счастливая, а я остался наедине со своими страхами. Да что же это такое, в самом деле? Видишь Иолу – плохо, а не видишь – еще хуже получается!

Глава седьмая

Псих

Потянулась моя больничная жизнь. С соседом Илюхой мы почти подружились и часто болтали. Но ни разу я даже полусловом не упомянул Иоланту и свои сны. И при докторше – тоже. Мать, кажется, ей что-то рассказала, потому что та очень вьедливо расспрашивала меня, дружу ли я с девочками, и все такое в этом роде. Даже в краску вогнала. Я ответил, что у моего друга есть сестра, с которой я иногда общаюсь. Пусть знает: я нормальный пацан.

Я вообще решил быть осторожнее, чтобы больше не выглядеть идиотом. И уже через сутки научился ловко прятать таблетки за щеку. Мне нужно было узнать, как дела у Иоланты. Через пару дней я уже так волновался, что не стал дожидаться ночи. Я решил, что моя кровь уже очистилась от лекарств, я смогу поговорить с девочкой.

На этот раз я долго искал укромный уголок. Еще не хватало, чтобы меня застукали за тем, за что я и загремел в больницу, – за разговором с невидимкой. С укромными уголками в отделении было плохо, пришлось прятаться в санитарной комнате, где даже засова не было.

– Иола! – тихонько позвал я.

Никакого ответа.

– Иола, ты слышишь меня? Хватит уже обижаться!

Ничего не происходило.

– Слушай, я все равно тебя увижу сегодня ночью, – зачастил я. – Просто подумал, что так тебе проще разговаривать, не попадешься. В общем, прости меня за те слова. Можешь сказать, что я гад, идиот, трус, ну, все, что ты обычно мне говоришь. Я не обижусь. Хотя ты сама перегнула палку когда сказала такое про моего отца. Но это больше не имеет значения. Ты слышишь меня, Иола?

Она молчала. Была ли она вообще жива – я не знал. Мне было так одиноко и жутко, будто у меня отрезали половину тела, а во второй непонятным образом сохранилась жизнь.

Я вернулся в палату, забрался под одеяло и пролежал так до вечера. Я сжимал кулаки до боли, потому что иногда мне казалось, что я вообще растворяюсь в пространстве. Несколько раз ко мне подходила медсестра и один раз – мой лечащий врач. Но я притворялся спящим и

не отвечал на их тихие вопросы. А вечером снова проглотил эти дурацкие таблетки. Наверно, я так сильно внушил себе, будто с Иолой что-то случилось, что теперь до ужаса боялся окончательно в этом убедиться.

Через неделю ко мне пришел неожиданный посетитель. Обычно после обеда я всегда ждал родителей. Мама приходила каждый день, специально для этого взяла отпуск на работе, папа – реже. Но в тот день я никого не ждал: мать предупредила, что будет занята. Сестра ко мне не ездила, только приветы передавала. А часа в три в палату ввалился Иван, взъерошенный и красный.

– Здорово! – заорал он, увидев меня. И протянул свою широченную, как у взрослого мужика, ладонь. Я с удовольствием ее пожал и втихаря огляделся: не пришла ли вдруг и Тася вместе с братом?

– Ну повезло тебе! – сказал он. – В школе такая скуотища, каждый день мечтаю тоже в больничку попасть.

Я сочувственно кивнул. Хотя лично мне в больнице уже надоело, я бы с удовольствием вернулся в школу. В школе хоть не до дурацких мыслей.

– А тебя за что сюда упрятали? – заинтересовался Разин. – Может, у меня тоже такая болячка есть? Где болит?

– Нигде не болит, – отмахнулся я. – Здесь с невробами лежат.

– Типа психи? – простодушно уточнил Иван. – Это тоже подходит. Ты чего вытворял, когда тебя прихватили?

– Ничего.

Не рассказывать же другу, как чуть не выпрыгнул из окна на глазах у доктора.

Иван еще пару минут пытал меня на эту тему и, кажется, всерьез обиделся, решив, что я не хочу помочь другу. А я думал о том, как бы половчее спросить его про Тасю. А вдруг она тоже собирается меня навестить? Я ломал голову, но никак не мог придумать, какой вопрос задать, чтобы Иван не просек мой интерес к его сестре.

– Ладно, я пошел, – сказал через полчаса Разин и вскочил со стула. – Меня вообще-то на пять минут пропустили. Там тетка такая злющая дежурит внизу, наверняка вой поднимет. Я, может, еще к тебе загляну. Если достану деньги на автобус.

– Слушай, а как Тася? – решил я.

Ванька вытаращил на меня глаза:

– А чего Тася?

– Ну, она не собирается меня навестить? Тебе одному, наверно, скучно сюда таскаться. Взял бы ее за компанию, что ли.

– Нет, она не приедет, – замотал головой друг. – Ей родители запретили даже смотреть в твою сторону.

– Почему запретили?! – перепугался я. И попытался сообразить, что плохого я сделал Ванькиным родителям. Я и видел их всего один раз.

– Как – почему? Ты же вроде того – псих, – не стал темнить Ваня и для уточнения своей мысли покрутил пальцем у виска. – Мне тоже запретили, только мне на это – сам знаешь! Мы же друзья!

Мне было приятно это слышать... и больно в то же самое время. Больно, что Тася так сразу отказалась от меня. К тому же получалось, что во дворе уже знают, в какой больнице я лежу, раз даже до Ванькиных родителей дошло. Наверняка знают и в школе. И это грозило мне в будущем большими неприятностями.

– Ладно, бывай! – Иван хлопнул меня по плечу – подо мной чуть стул не сломался – и пошел к двери. Хорошо, что не заметил моего огорчения.

Через две недели меня выписали из больницы. И разрешили с понедельника посещать школу. Правда, я все еще должен был пить таблетки – об этом моя докторша раз десять напонила родителям и мне самому.

Идти в школу было страшновато. И мама на этот раз меня очень хорошо понимала. Она даже предложила вечером в воскресенье:

– Хочешь, я завтра поеду с тобой и папой до школы?

– Не нужно! – замотал я головой. Как будто это что-то меняло. Меня пугало то, что ждет внутри школы, а вовсе не путь к ней!

– Слушай меня внимательно, Алексей, – сказала мама. – Если вдруг почувствуешь себя плохо – ну, голова заболит или затошнит, – сразу позвони мне. После уроков за тобой заедет папа. И я очень прошу тебя никуда из дома не выходить! Если захочешь, мы с тобой потом вечером вместе прогуляемся.

– Ладно, не выйду, – вздохнул я.

Конечно, в школе мне пришлось трудновато. Все в классе так странно смотрели на меня, что я даже несколько раз провел по лицу ладонями, проверяя, не вырос ли у меня дополнительный нос, к примеру. А учительница очень деликатно спросила у меня, не хочу ли что-то сказать по теме урока. Я не хотел. Раньше такое нежелание стоило бы мне двойки, а так ничего, обошлось.

Отец встретил меня во дворе школы, велел быстрее забираться в машину. Было ясно, что он куда-то очень торопится. Отвез меня до дома и проводил до квартиры, хотя я уверял его, что и сам прекрасно дойду.

– Запри дверь, – велел мне отец на прощание.

Я заперся изнутри и остался в квартире совсем один. Это было непривычно: в последнее время я почти никогда не оставался в одиночестве. На кухне мама оставила мои любимые макароны по-флотски. Я разогрел их в микроволновке, съел и стал думать, чем бы заняться.

Раньше бы взялся за уроки, ведь я так старался доказать Иоле, что не глупее ее. Теперь это не имело смысла. Я разложил учебники на столе, несколько минут тупо пялился на них, потом пошел и рухнул животом на диван. Ну, совру матери, что у меня болела голова. Зря я, что ли, в больнице парился.

В этот момент в дверь позвонили. Я бросился открывать. На пороге стоял Ванька и так шумно дышал, будто едва унес ноги от погони.

– Привет! – зачастил он. – Дома никого? Круто! Слушай, одевайся в темпе, и валим на улицу!

– А чего там делать? – с нарочитым равнодушием спросил я. – Холодно и дождь начинается. Давай лучше у меня посидим, в комп поиграем.

Раньше Иван всегда с удовольствием соглашался на такое предложение: у него компьютера дома не было. Но сегодня решительно замотал головой.

– Не, слушай, тут такое дело... На стадионе ребятки из нашей школы играют против кадетов из интерната. Турнир, слышал? Сегодня будет крутая игра!

У меня аж в животе засосало – так захотелось посмотреть. Хотя вообще я не болельщик, просто соскучился в больнице по нормальным развлечениям. Но пришлось сделать вид, что мне даже слышать об этом неинтересно.

– Нет, не хочу. – Я отвернулся от Ваньки.

– Чего это? – не понял он. – Ты что, в самом деле того? Не долечился? Даже моя сеструха идет, хотя она вообще в другой школе учится.

Наверно, я покраснел от волнения и совсем развернулся к Ивану спиной. Я просто не знал, что мне делать. Звонить матери, уговаривать, молить, чтобы отпустила? Бесполезно. Я скопил глаза на часы. До прихода родителей оставалось еще часа полтора. И я решил.

– Ладно, если только на часок, – сказал я. – А то у меня дела есть вечером.

И рванул в свою комнату одеваться. Через минуту я был уже готов. Вышел в прихожую, пошарил по тумбочке, где обычно валялись мои ключи от дома. Сегодня в школу я их не брал – отец ведь должен был меня встретить. А теперь ключей на привычном месте не было. Наверно, мама решила подстраховаться на случай, если мне захочется на улицу.

– Ничего не выйдет, – пробормотал я охрипшим от разочарования голосом. – Ключи куда-то подевались, наверное, родители или сестра случайно забрали.

– А если без ключей? – тут же предложил Иван.

– Ты соображаешь?! А дверь? Я что, оставлю ее распахнутой настежь? Типа заходи кому не лень?

– Зачем настежь? – возразил мой друг и начал изучение входной двери. – Можно язычок изнутри закрепить, чтоб не захлопнулась, а дверь закрыть. Со стороны никто и не заметит, что не заперто.

– Ага, а если кто влезет?

– Лазают по наводке, – со знанием дела произнес Разин. – Если твою квартиру выберут, то никакие замки не спасут. Вот у нас в квартире раньше очень тугой замок был, жуть. Так мы с Таськой, когда на улицу днем шли, никогда его не запирали. И ничего. Наоборот, если кто и захочет влезть, но заметит, что дверь открыта, и подумает: вдруг это ловушка какая. Сечешь?

Логика Ивана меня смутила. Действительно, получалось, что открытая дверь должна скорее отпугнуть преступника, чем привлечь. И я сдался. Тщательно притворил за собой дверь и побежал следом за Иваном. У лифта еще раз обернулся: не заметно ли? Нет, дверь выглядела вполне нормально.

На стадион мы немного опоздали. Игра уже началась, трибуны были забиты. Но Иван не растерялся: влез на ограду и начал осматриваться. Потом спустился и потащил меня за собой со словами:

– Сеструха в первом ряду места заняла. Вот дура, оттуда ж не видно ничего.

Я пошел следом, думая только о том, как отреагирует Тася на мое появление. А вдруг вскочит и убежит? Я пытался заговорить об этом с Иваном по дороге сюда, но он мог думать только об игре.

Тася сидела в первом ряду, рядом на скамейке лежала ее сумка, которую девочка для надежности еще и придерживала руками. Увидев меня, она весело улыбнулась и сказала:

– Ну вот, а я только два места заняла. Придется потесниться.

А я подумал, что могу стоять рядом с этой девочкой на одной ноге, сколько понадобится, лишь бы видеть ее.

– Как ты, Алеша? – спросила Тася, сползая на самый край скамьи. Ваня тут же плюхнулся рядом с ней. Я с трудом втиснулся между ним и каким-то лохматым толстяком.

– Нормально, – пробормотал я, но мой голос потонул в диком вопле, потому что кадеты в этот момент опять забили. Наши уже проигрывали им два мяча.

Ванька немедленно тоже начал орать и подпрыгивать, да так, что скамья едва не проламывалась под ним. А я сидел, скосив глаза, чтобы хоть иногда из-за его плеча видеть Тасю. Она помалкивала и смотрела на поле так внимательно, будто это была школьная доска с заданиями годовой контрольной.

Потом наши вдруг выровняли счет, забив два мяча с интервалом в одну минуту. Что тут началось на трибунах! Ванька уже успел оттоптать мне все ноги, а от его громоподобных воплей у меня заложило уши. А я почему-то никак не мог сосредоточиться на игре.

Два игрока, наш девятиклассник и мощный кадет, столкнулись совсем рядом с нами. В результате мяч, который кадет вел к нашим воротам, скользнул у него между ног и полетел в нашу сторону. Я услышал, как вскрикнула Тася...

В первый момент я даже не понял, что произошло. А потом увидел: Тася сидит прямо на земле рядом со скамейкой и держится обеими руками за живот, мяч валяется рядом. Все вокруг орут, кто-то даже предлагает вызвать «скорую». Иван забрался с ногами на скамейку и на весь стадион материт того игрока, который чуть не прибил его сестру.

Я поскорее начал пробираться мимо него к девочке. Меня самого так пихнули, что пришлось ухватиться руками за скамью. Обойти вопящего Ваньку не было никакой возможности.

Но тут Тася сама встала и разогнулась. На ее светло-голубой куртке отпечатались грязный след от мяча, в глазах стояли слезы.

– Я пойду домой, – тихо сказала она Ване.

На того было жалко смотреть. Он понимал, конечно, что сестру нужно проводить, но не мог покинуть игру сейчас, когда все только стало налаживаться у нашей команды. Я выбрался в проход и сказал:

– Ладно, я отведу Тасю домой. Расскажешь потом, чем игра кончилась.

Лицо моего друга просияло. А я почти побежал за Тасей, которая шла по проходу очень быстро, низко склонив голову. Наверно, ей было стыдно, что все смотрят на нее, на ее грязную куртку. Шла она нормально, как будто ничего не случилось. Но едва мы вышли со стадиона, Тася снова согнулась и схватилась за живот.

– Так больно? – испугался я. – Может, позвать кого-нибудь на помощь? Или, слушай, здесь больница рядом, там точно помогут.

– Не надо, сейчас пройдет, – пробормотала Тася. – И зачем только я пошла на этот дурацкий матч! Хотела за Ванькой проследить, чтобы он опять с кем-нибудь не подрался. Как будто он меня послушает!

Через пару мгновений девочка пошла почти прямо, только лицо у нее было еще бледнее обычного. Я вытащил у нее из-под локтя школьную сумку, забросил за плечо. Очень медленно мы побрели в сторону дома.

– Ты сильно отстал в школе? – спросила Тася.

Мне было приятно, что она беспокоится обо мне. Но все-таки одна мысль никак не давала покоя. И я решился спросить об этом напрямик:

– Это правда, что родители запретили тебе со мной общаться?

Мне показалось, Тася как-то дернулась от моего вопроса. И ответила просто:

– Да, они и Ваньке запретили.

– Но Ванька даже в больницу ко мне приезжал! А ты что же – поверила, что я сумасшедший?

– Ничего я не поверила! – с досадой проговорила девочка. – В больницу я хотела, но не смогла – денег не было на автобус. И вообще меньше слушай, что Иван обо мне болтает. Он просто злится, что мы с тобой общаемся.

– А мы... общаемся? – глупо переспросили.

Тася глянула удивленно, пожала плечами:

– А что, по-твоему, мы сейчас делаем?

Потом мы долго шли молча. Я пытался переварить информацию. Значит, она не послушалась родителей и готова была ко мне прийти даже в больницу. Но не пришла, правда. Зато мы общаемся. Интересно, что значит это слово? Дружим?

– Пришли, – сказала Тася.

Я словно очнулся. Мы стояли перед ее подъездом.

– Доведу до квартиры, – предложил я.

Но девочка замотала головой:

– Нет, там родители... не нужно.

При этих словах я вдруг вспомнил о собственных родителях – и похолодел от ужаса. Глянул на часы: время их возвращения. Отец, конечно, мог и задержаться, но мама наверняка придет минута в минуту. Возможно, оба уже дома.

– Пока, Тася, – пробормотал я и бросился бегом в сторону своего дома.

У меня даже не хватило терпения дождаться лифта. На одном дыхании взлетел я на наш шестой этаж. И замер перед дверью. Сейчас все решится! Если она заперта, то кто-то из родителей уже дома, и у него ко мне масса вопросов. Я коротко выдохнул и толкнул дверь рукой: она послушно распахнулась. С ухажющим сердцем я влетел в прихожую и первым делом запер замок. Потом скинул ботинки, обтер подошвы о коврик. Старательно развесил куртку в шкафу как обычно делала мама.

И в этот самый момент ключ завожился в замке. Я метнулся в свою комнату сгреб в кучу учебники с тетрадями и сделал вид, будто окаменел от долгого сидения над ними.

В прихожей бодро переговаривались родители, и мне было радостно, что они приехали вместе. Раньше обычно так и бывало, это потом папа стал допоздна засиживаться в своем офисе. Но сейчас радоваться мне мешал стыд перед ними и необходимость через пару минут солгать сразу обоим. Впрочем, утешал я себя, они, может, даже не станут спрашивать, не выходил ли я на улицу. Тогда и врать не придется.

Через минуту мама заглянула в комнату, сказала:

– Привет, сынок!

– Привет, мама!

Я обернулся, и лицо у матери сразу стало взволнованное. Она быстро подошла ко мне, положила на лоб прохладную ладонь.

– У тебя не температура, часом? Что-то ты сильно покраснелся. Много еще осталось? – Она кивнула на тетрадки.

– Ну, порядочно...

– Ты не усердствуй особо. Сейчас поужинаем, потом отдохнешь, а перед сном сможешь еще что-нибудь поучить. Хорошо?

Я пожал плечами. Мама вышла из комнаты. Я слышал, как они в прихожей что-то обсуждали с отцом. А потом вдруг голоса стихли. Разом. Будто выключили звук.

Я занервничал. Хотел бежать в гостиную, но от волнения прилип к стулу, развернулся лицом к двери и стал ждать. Через минуту, не больше, родители появились сами. Они просто встали в дверях и молча смотрели на меня. И лица у них были такие испуганные... словно я превратился в какое-то жуткое чудовище и теперь папа с мамой не знают, как по деликатнее спросить у монстра, куда подевался их сын.

– Алеша, – прошептала мама и прижала ладони к лицу.

Тут уж я вскочил на ноги и закричал:

– Что случилось?!

– Ты давно последний раз был в гостиной? – ровным голосом спросил меня отец.

– Вообще не заходил туда сегодня. А что?

– Ну так пойді, посмотри.

Я рванул мимо родителей в гостиную. Вбежал – и ойкнул от ужаса, потому что гостиная превратилась в руины. Портьеры были сорваны, мебель сдвинута со своих мест. Все мелкие вещи и книги валялись на полу. Не просто валялись, а были распотрошены, изорваны, скомканы. И еще почему-то выглядели влажными. Я не сразу понял почему. Пока не посмотрел на тумбу, где стоял большой аквариум, подарок от родителей Кире на ее пятнадцатилетие. Теперь он лежал на боку, и несколько черных телескопов еще боролись за жизнь на ковре рядом с моей ногой.

Я бросился их собирать. Сгреб в ладонь и начал оглядываться по сторонам, соображая, куда девать рыбок. И снова увидел родителей. Они стояли теперь в дверях гостиной и смотрели на меня все с тем же странным выражением. Потом мама спросила:

– Ты все время был дома?

Конечно, я понимал, что в такой ситуации нужно говорить правду. Как бы ни был серьезен мой проступок, он мерк перед тем, что родители могли списать на меня этот жуткий погром. И я быстро сказал:

– Мам, прости меня. Я ходил с Ванькой на футбол. Не смог удержаться.

– Как это ты ходил, если у тебя даже ключа от квартиры не было? – вмешался отец.

– Я... оставил дверь открытой. Просто прикрыл. Думал, за какой-то час никто сюда не сунется...

– Долго тебя не было?

– Я даже не знаю... кажется, не очень.

– В остальных комнатах то же самое, – как бы между делом подметил отец. – Только до твоей не добрались, получается.

Я стиснул зубы от невыносимого стыда. Теперь я и сам не понимал, как мог так сглупить. Сейчас родители начнут песочить меня и вряд ли успокоятся до утра. Но они молчали – и это было самое неприятное.

– Ты не забыл утром выпить свои таблетки? – спросила мама слабым голосом.

– Я не забыл... Мама, ты что, думаешь, это я все расколошматил?

Тут отец взял себя в руки. Он легонько коснулся плеча мамы, словно призывая ее выйти из ступора, и сказал:

– Нет, мы, конечно, так не думаем, сын. Нужно поговорить с соседями, может, они заметили, кто входил в квартиру. И другу твоему я тоже позвоню.

Я только пожал плечами. И пошел на кухню пристраивать спасенных рыбок в банку. Но тут вернулась сестра, и начался такой ор и рыдания, что мне пришлось срочно укрыться в своей комнате.

Ночью я не смог заснуть. Не спали и родители. Я слышал, как они до поздней ночи бродили по разоренным комнатам, что-то собирали и переставляли. Переговаривались приглушенными голосами. Один раз я услышал, как вскрикнула Кира:

– Не понимаю, почему вы не вызвали полицию?!

Отец ей что-то тихо ответил.

– Ну и что, что ничего не украли?! – завопила сестра. – Они же нам всю квартиру разнесли!

И снова тихие, успокаивающие голоса.

Я тоже этого не понимал. Сначала думал, что полицию не стали вызывать потому, что слишком уж очевидна была моя вина в случившемся. Получается, я чуть ли не сам пригласил каких-то мерзавцев в квартиру, гостеприимно оставив дверь открытой. Может, в таком случае и заявление писать бесполезно: полицейские сразу скажут, что ищут только тех, кто вламывается в *запертые* квартиры.

Я уже почти засыпал, как вдруг меня словно подбросило на кровати. Я понял, почему родители не вызвали полицию! Они считали, что это сделал я! Поэтому вели себя со мной так странно, даже не наорали за самовольный уход из дома.

Глава восьмая

Конец класса химии

Думать об этом было невыносимо. Я вскочил с кровати и прислушался. Кажется, родители еще не спали, наверное, пили чай на кухне и пытались прийти в себя. Я на цыпочках пробрался в гостиную. Зажигать свет не было нужды – прямо в окно ярко светила луна. А шторы родители поснимали: они были в клочья изрезаны ножом и ни на что уже не годились.

Здесь почти не осталось следов разрушений, родители хорошо поработали. Вот только смотрелась гостиная как-то странно, как будто мы только-только переехали. Мебель вроде стояла на местах, а вот мелкие вещицы, которые так любила мама, бесследно исчезли. На том месте, где еще утром был огромный аквариум, теперь сиротливо стояла банка с тремя спасенными рыбками.

Я приблизился к кухонной двери и услышал из-за двери голоса родителей. Судя по звукам, они вовсе не пили чай, а продолжали заниматься уборкой. Я слышал, как позвякивают осколки стекла.

– Ира, давай ложиться, – услышал я раздраженный голос отца. – Завтра все dokonчим. Сил уже нет со всем этим возиться.

– Хочешь, иди и ложись, – прозвучал подчеркнуто спокойный голос матери. Ох, как же я не любил, когда она говорила таким голосом! – Я еще поработаю. Если не сделаю сегодня, завтра у меня истерика начнется от всего этого.

Отец вздохнул в ответ так громко, что я услышал. Потом опять возобновился звон сметаемого стекла. Я уже хотел войти и предложить свою помощь...

– Как ты думаешь, они могли нам соврать? – вдруг спросила мать жалобно. – Ну, ты знаешь, эту семью не назовешь благополучной. Такие люди часто лгут без причины.

Я замер на месте. О чем это она?

– Откуда мне знать? – резко ответил отец. – У меня детектор лжи в кармане не припрятан. Только зачем им лгать? Они сразу сказали, что их сын болен и ни на какой футбольный матч сегодня не ходил.

– Ну, вполне возможно, что он просто забыл поставить родителей в известность. Разве такое не случается? – усмехнулась мать.

– Да они вроде весь день дома были.

Они что, говорят о Ваньке? Да какой же он больной? Неужели его родители так сказали? Ну все, я пропал. Как тогда мне доказать, что я не был дома, когда случился этот кошмар?

В кухню я так и не зашел. Побрел обратно в комнату. И вдруг в ужасе застыл посреди гостиной. А вдруг это действительно сделал я?!

Может, и не заходил ко мне сегодня Ванька, не звал на матч, а потом я не провожал до дома его сестру? Может, мне это просто почудилось? А на самом деле среди бела дня я впал в ярость и начал громить квартиру. А что, если я действительно болен, опасен, неуправляем?!

Я вертел головой по сторонам и пытался вообразить, как крушу все это. Сбрасываю вещи, топчу их ногами. Потом добираюсь до аквариума... Нет, невозможно, я ведь так любил, пока сестры не было дома, наблюдать за потешными рыбками. Даже подкармливал их тайком, а то вдруг Кирка забывает это делать, и они молча страдают от голода? Я не смог бы причинить им вред.

А потом, если я все это натворил, на руках должны были остаться какие-то следы. Я вернулся в свою комнату и там при свете настольной лампы внимательно осмотрел свои руки. Ладони у меня и в самом деле были расцарапаны. Но ведь это я за скамейку неловко ухватился, пока к Тасе пробивался.

Но если предположить, что не было никакого матча, то получается – это следы от погрома. И родители наверняка заметили, что с руками у меня не все в порядке. Но опять же почему-то ничего не сказали.

Конечно, уснуть после этого было уже невозможно. Я на цыпочках бродил по комнате и все пытался вспомнить: что же я делал сегодня днем? Был на матче или разносил собственную квартиру? Помаленьку в голове все перепуталось, и я уже был готов поверить во все что угодно.

Едва рассвело, я начал собираться в школу. Мне необходимо было срочно повидаться с Иваном. Мне-то он врать не станет.

Ровно в восемь я вышел в гостиную уже с портфелем в руках. Родители были там. Отец держал в руках оторванный штепсель телевизора, наверное, прикидывал, можно ли это самому исправить или нужно вызывать мастера. Мать молча стояла рядом. Мне кажется, она чуть не вскрикнула, когда я сказал «доброе утро».

– Алеша? Ты зачем встал?

– Как – зачем? – изумился я. – В школу ведь опоздаю.

– Разрешаю сегодня не ходить. Мы с отцом тоже взяли отгулы. Поможешь нам наводить порядок.

– Я лучше потом помогу когда вернусь, – посулил я. – А то у нас сегодня лабораторная работа очень важная, если не напишу с классом, придется потом одному...

Мне показалось, что родители обменялись быстрыми взглядами. Больше всего мне хотелось заорать в тот момент: «Клянусь, это не я! Ну проверьте меня на детекторе лжи, отвезите в больницу, чтобы доктор под гипнозом восстановил мою память! Но только не смотрите так странно!»

Но я не мог выдавить ни слова. Пусть лучше родители первые заговорят об этом. Но и они молчали. Потом отец сказал:

– Ладно, отвезу его в школу. Заодно и мусор выкину.

По дороге в школу отец тоже ничего не сказал мне. Только спросил, пил ли я утром прописанные в больнице таблетки. Как будто мама не спрашивала меня об этом раз пять еще дома.

До начала занятий мне не удалось отыскать Ивана. На первом уроке я просто места себе не находил. Алгебра тянулась бесконечно, пару раз мне хотелось заорать от нетерпения и выбежать из класса. Но вот и звонок. И я сразу бросился в коридор. Метнулся на первый этаж, где висело расписание, посмотрел, в каком классе сейчас занимаются ребята из девятого «Б».

Обычно я никогда не подходил к Ваньке в школе, как и он ко мне. Дружба между ребятами из разных классов вообще была как-то не принята. Но сегодня я просто не мог дожидаться конца занятий. Мне было необходимо убедиться, что мы с ним вчера действительно были на футбольном матче. Или... не были.

Я легко отыскал нужный класс, заглянул в него, но друга не увидел. Стоял на пороге и не знал, как спросить о нем. На меня уже начали оглядываться – чего типа какой-то восьмиклассник маячит в дверях.

– Эй, пацан, что надо? – крикнул мне верзила из глубины класса. Ванькин класс вообще считался спортивным, ребяташки здесь все были не мелкие. Хотя, конечно, на фоне Ивана сильно проигрывали.

– Ивана Разина, – ответил я кратко.

– Зачем он тебе? – с непонятым вызовом спросил парень, подбираясь ко мне поближе.

– Да это его дружбан, они из одного дома, кажется, – сказал мирным голосом другой парень с первой парты. – Ванька болеет, уже пару дней в школе не показывается. Не знал?

Я молча мотнул головой, а в душе у меня все вопило от ужаса. Неужели Ванька в самом деле болен и вчера вовсе не заходил ко мне домой? Так что же, получается, я в самом деле сошел с ума?

Я решил, что не останусь на следующий урок. Какой смысл, все равно не слышу ни слова из объяснений учителей. Лучше схожу к Ваньке домой, а потом вернусь к школе и дождусь отца. По большому счету, я не слишком верил в болезнь друга. Наверняка просто решил прогулять недельку. А значит, вполне мог вчера рвануть из дома на матч.

Но уйти не удалось. Я свалил дурака – машинально завернул к классу, чтобы взять свой портфель. И натолкнулся на учительницу химии, которая уже писала задание для самостоятельной работы на доске. Урок еще не начался, но она-то меня заметила. Пришлось плестись за свою парту. Урок был сдвоенный, так что меня ждали впереди девяносто минут ада.

Хорошо хоть, литературу отменили из-за болезни учительницы. Точнее сказать, заменили на физру. Оказывается, вчера об этом говорили на последнем уроке, с которого меня забрал отец. Так что форму я не взял. Вот, кажется, подходящий момент слинять из школы. Да не тут-то было.

– Алеша, у тебя освобождение? – спросила меня учительница, едва я направился к двери. Поскольку я долго не ходил в школу, все, включая классную, были уверены, что от физкультуры я освобожден. Это было не так, но я ограничился неопределенным мотком головой.

– Можешь подежурить по классу? – тут же спросила химичка. – Нужно всего лишь протереть доску и расставить стулья. У меня через час будет открытый урок, нет времени возиться с уборкой. Поможешь?

Я пожал плечами. Почему бы и нет? Приберусь быстро и свинчу по своим делам.

Но сперва дождался конца перемены – не хотелось, чтобы меня видели за уборкой одноклассники. А потом, в наступившей тишине, взял губку и начал в ускоренном темпе тереть доску.

Пока я этим занимался, мне показалось, что кто-то заглянул в класс: краем глаза удалось заметить какое-то странное лицо. Что в нем странного, я сказать не мог, но такому лицу явно

было не место в нашей школе. Я даже подбежал к двери и выглянул в коридор. Но никого там не обнаружил. Возможно, после бессонной ночи у меня начались глюки.

Я тщательно расставил парты и стулья. Огляделся: кажется, все в порядке. Можно бежать к Ваньке. Физкультура тоже сдвоенная, значит, никаких уроков я сегодня не пропущу, отец заедет за мной через полтора часа. Хотя, если я все выясню у Ивана, то просто пойду домой, скажу, пораньше отпустили. Или лучше уговорю Ваньку зайти ко мне и подтвердить мое алиби.

Ваньку я встретил в его подъезде. Вернее, он влетел следом за мной и вцепился в мое плечо, не давая зайти в лифт.

– Ты чего, спалить меня решил? – прохрипел он. – Родаки дома, а уроки еще не закончились. Чего сам не в школе?

– Урок отменили. А ты, значит, прогуливаешь? – догадался я.

– Точно, – расплылся в улыбке Ванька. – У меня в школе это... типа, конфликт. В общем, завуч запретил показываться на уроках, пока родителей не приведу. Вот жду, может, забудет.

– Чего ты натворил? – полюбопытствовал я.

– Да училка меня с урока пыталась вытурить, – махнул рукой мой буйный товарищ. – Прикинь, привела каких-то качков из одиннадцатого, она у них классная, и велела хватать меня и тащить за дверь. Вот потеха была!

– Вытащили они тебя?

– Ну, вытащили, конечно, их же четверо было, – опечалился Ванька. – Только доску после этого заново вешать пришлось. А учительский стол вообще менять.

Я вытаращил на него глаза:

– И как тебе это удалось?!

– Так я в парту вцепился. А потом, когда они меня в проход вытащили, я эту парту отшвырнул – а там училка. Хорошо, успела отскочить. Парта в учительский стол – бэмц! Стол к доске отлетел. Доска обрушилась. Я чего-то озверел тогда, – озадаченно произнес Иван и поскреб правое ухо. – Только она сама виновата, нечего было моих родителей приплетать. Я так считаю: ори на меня, а родителей не трогай. Верно?

– Ага! – согласился я. – Слушай, нестыковочка получается. Твои родители моим по телефону вчера сказали, будто ты болеешь и в школу не ходишь.

Ванька посмурнел и произнес неохотно:

– А, это. Ну да, я в курсе. Просто у моих предков какое-то странное к тебе отношение. Они думают, что ты типа... ну, чокнутый, короче. И что угодно можешь выкинуть. Зачем ты вообще сболтнул родителям, что мы ходили на матч?

Я почувствовал невероятное облегчение. Все наконец встало на свои места.

– Так мы вчера были на матче? – уточнил на всякий случай, не до конца веря в свое счастье.

Ванька вытаращил на меня глаза:

– Так ты в самом деле того? Не помнишь, что вчера было? Эй, пацан, ты меня что-то пугаешь...

– Да помню! – сказал я. – Все нормально с этим. Только, понимаешь, какая ерунда получилась: вчера, пока мы были на стадионе, кто-то забрался в нашу квартиру и все разгромил. Только мою комнату не тронул. Поэтому я ничего не заметил, а когда родители пришли, сказал им, понятное дело, что дома сидел. Потом, конечно, пришлось сознаваться. Они стали твоим звонить, хотели убедиться, что я был с тобой на матче.

– Шутишь? – пробормотал потрясенный Иван. – Много взяли?

– В смысле, украли? Нет, кажется, вообще ничего. Только все побили, растоптали...

Тут меня смутило недоверие в глазах Ивана, и я замолчал.

– Ничего не взяли, – пробормотал мой товарищ, глядя себе под ноги. – Зачем было залазить, у вас ведь не бедная квартира... Может, за что-то отомстить хотели?

Я пожал плечами.

– Слушай, а может, ты сам квартиру разнес? – вдруг спросил Иван. – Ну, я же к вам не заходил дальше двери, может, там уже все было раскурочено, когда мы уходили. А ты просто позабыл об этом?

Я не верил своим ушам. И это мой лучший друг говорит! Мне захотелось немедленно уйти, никогда больше не видеть Ивана. Я сделал шаг в сторону.

– погоди! – Ванькина рука вцепилась мне в плечо. – Ну, это я фигню сболтнул! То есть, если даже ты сделал это, все равно не виноват, верно? Вот я чуть училку не пришиб, а здоровый, без справки.

– Пусти. – Я попытался отпихнуть его руку. Примерно то же самое, что отталкивать накрывший тебя ковш экскаватора.

– Да нет, я верю, ты ничего такого не делал! – продолжал орать мне в ухо Иван. – Наверное, это какие-то уроды заметили, что дверь не закрыта. Хочешь, прямо сейчас пойдем к твоим, и я им скажу, что мы вчера ходили на матч? И сеструха подтвердит, что ты ее до дома провожал.

Я молчал. Еще пять минут назад я хотел именно этого. Но сейчас, после Ванькиного сомнения, я чувствовал в душе какую-то опустошенность. Ну зайдет Иван к нам и по своей бестолковости наболтает такое, что только хуже выйдет.

– Не надо, – вздохнул я. – Сам разберусь.

– Братан, ты обиделся? – совсем загоревал Ванька. – Нет, все, пошли к вам. Говорю тебе, я разрулю эту ситуацию.

– Забудь, – вынес я окончательное решение. – Так мои уже успокоились, а если ты придешь, снова начнут звонить, уточнять... Тебе это нужно?

– Точно нет! – замотал головой Ванька. Родителей своих он явно побаивался. – Ну, ты давай, раз такие дела... Гулять пойдешь сегодня?

– Вряд ли, – честно сказал я. Развернулся и побрел во двор. У двери парадного оглянулся: Иван смотрел мне вслед с самым несчастным выражением на лице. Все-таки он добрый парень, хоть и пустоголовый.

Домой идти не хотелось. Родители наверняка все еще приводят в порядок нашу опоганенную квартиру. И продолжают гадать, не я ли этому виной. Я бы дорого дал, чтобы вообще там сегодня не появляться.

Я вернулся в школу еще до звонка на перемену. Побродил немного по школьным коридорам. Потом сунул руку в карман в поисках телефона: отец наверняка позвонит мне, что выехал, и я выйду ждать его во двор. Рука нащупала пустоту.

Я похолодел. Еще не хватало ко всем бедам последних дней потерять мобильник. И с каким лицом я буду просить родителей подкинуть денег на новый, когда ремонт в квартире им и так влетит в копеечку? Я начал усиленно ворочать мозгами, прикидывая, где мог его оставить. И сообразил все-таки: конечно же выложил его на парту в классе, когда убирался. Специально, чтобы следить за временем. Что ж, если в класс никто не заходил, у меня есть надежда вернуть свое имущество.

И бросился в класс химии. Заглянул в щелку – вдруг проверяющие пришли пораньше. Нет, вроде пусто. Я от всей души пожелал, чтобы мой телефончик был там, распахнул в дверь и вбежал в класс.

Сперва я смотрел только на свою парту. И действительно сразу заметил там кожаный чехол. А потом беглым взглядом окинул класс – и меня словно макнули в кипяток.

Все кругом было опрокинуто, парты громоздились друг на дружке. Доска сдернута со стены и зияет пробоинами, зеленоватые осколки усеяли пол, как трава. Поверх валялись клочки бумаги, наверное, остатки тех пособий, которые я видел в последний раз в виде аккумуляторов.

ратной стопки на учительском столе. Дверь в лаборантскую приоткрыта. Леденя от предчувствий, я ворвался туда. Так и есть: на полу кучей лежат разбитые колбы, приборы, пособия.

Я не мог поверить в то, что видели мои глаза. Этого не может быть, мне чудится, на грохот бы сбежались учителя! Но в школе еще с лета не могут закончить ремонт, так что к громким звукам все привыкли, вот в чем дело.

За дверью лаборантской вскрикнула женщина, а следом загудели негодующие голоса. От ужаса все поплыло перед глазами. Каким же я оказался безмозглым идиотом, что не убежал сразу! Теперь я мечтал об одном: чтобы те, кто заглянул в класс, ушли звать кого-нибудь на подмогу.

Но они не уходили. Я слышал их потрясенные голоса, в основном чужие, но некоторые знал очень хорошо: голоса химички и завуча. И даже услышал, как они несколько раз произнесли мою фамилию. Потом шаги и голоса стали приближаться. Я вжался в стену и зажмурил глаза. А когда открыл – они уже стояли в дверях, всем скопом, человек шесть, и тарасились на меня во все глаза. Все было кончено.

Конечно, орать на меня никто не стал. Я ведь был психом, разве нет? Учительница химии крепко взяла меня за рукав и повела в учительскую. Я слегка удивился, обнаружив там своего отца. Кажется, для него было рановато. Да и вид у него был такой, будто он уже знал о новом кошмаре.

Химичка что-то вложила ему в руку. Они обменялись многозначительными взглядами, но никто не произнес ни слова. Отец просто сгреб меня за плечи и повел прочь. В раздевалке отыскал мое пальто и сам бы принялся меня одевать, если б я не рыпнулся.

В машине я сказал ему:

– Папа, ты не поверишь, но не я это сделал.

Отец покосился на меня, спросил тихо:

– Что сделал?

– Ну... разгромил класс химии.

Вид у отца стал и вовсе обреченный.

– Ты разгромил класс химии?

– Не я. А разве ты об этом еще не знаешь?

– Пока нет. Отвезу тебя домой и снова съезжу в школу.

– Папа, в чем дело? – напрямик спросил я. – Ну, кроме класса, что еще произошло?

– Неважно, – отмахнулся отец.

– Важно! – заорал я.

Мой крик чуть не привел к аварии – так дернулись руки у отца. Он посмотрел на меня... просто с ужасом. И начал сбрасывать скорость. Я понял, что он планирует сперва остановиться – чтобы не рисковать нашими жизнями, если я начну буянить.

– Папа, ты можешь спокойно ехать, – сказал я. – Я больше не буду кричать. Только скажи, что еще случилось. Пожалуйста.

Наверно, мне удалось сказать эти фразы убедительно. Отец вроде бы немного успокоился – и мы продолжили движение.

– Понимаешь, – сказал он минуты через две, когда я уже изгрыз себе губы, стараясь быть сдержанным и терпеливым. – На наши с матерью телефоны начали приходить сообщения... со странными текстами. В общем, там и содержания никакого не было, одни оскорбления. С твоего телефона. Я тут же поехал за тобой.

– Я забыл телефон в школе, – быстро сказал я. – В том самом классе, который разнесли. Наверно, они взяли мой телефон и стали отправлять сообщения по всем номерам подряд.

Сказал – и до смерти перепугался. Кому еще эти гады могли написать? А вдруг Тасе? Если отец отдаст мне мобильник, можно будет посмотреть, на какие номера ушли сообщения. И в какое время, что очень важно. Но чувствую, телефон не скоро окажется в моих руках.

– Я встречался с Ванькой. Хотел уточнить насчет вчерашнего. Дело в том, что его родители не хотят, чтобы мы общались. Но Иван готов подтвердить, что мы с ним вчера были на матче. Он прогуливает, в школу не ходит, вот и пришлось пойти к нему...

– Почему после встречи ты не пошел сразу домой? – перебил отец.

Я окончательно решил быть мужественным и говорить только правду. Нужно же положить конец этой дикой истории. Втянул в легкие предельную массу воздуха – и сказал:

– Мне было тяжело туда идти. Вы же с мамой считаете, что это я разгромил нашу квартиру. Я понимаю, почему вы так думаете, ведь мою комнату не тронули. Но я-то знаю, что я этого не делал! – упавшим голосом закончил я.

Отец потрепал меня по плечу, но лицо его оставалось ужасно странным. Я перепугался, что он сейчас заплачет. Это был бы конец света! Конечно, нелегко иметь в сыновьях такого уродца, как я. Но отец только сказал:

– Не переживай, сын, тебя никто ни в чем не винит. Тебе просто надо немного подлечиться. Похоже, целители что-то схалтурили, но мы найдем других, которые точно помогут.

– Да я же не болен! – заорал я, стряхивая с плеча отцовскую руку.

– Ладно, ладно, только не кричи! Лучше пусть с тобой мама об этом поговорит.

Но мама со мной не особо и разговаривала. Просто накормила обедом и отправила в свою комнату, сказав напоследок слова, которые, наверно, миллионы ребят мечтают услышать от своих родителей:

– Ты уроки сегодня не делай. Все равно завтра в школу не пойдешь. Лучше посмотри телевизор, а то и просто поспи. Я принесу тебе чай с лимоном и мятой – от него сразу в сон потянет.

Но только меня эти слова совсем не порадовали. Я попытался снова заговорить о Ваньке как о моем единственном свидетеле. Просил родителей позвонить ему на мобильный – все равно ведь мой телефон у них. Меня выслушали без особого интереса и попросили не волноваться. Родители насчет меня все уже решили.

Глава девятая

Моя судьба решена

На следующий день мы снова поехали в Питер, в ту самую больницу которую я надеялся никогда больше не видеть. Снова со мной разговаривали врачи, вместе и поодиночке. Но на этот раз я хотя бы точно знал, в чем меня обвиняют. И всячески старался оправдаться.

Снова и снова я рассказывал, как сбежал из дома на футбольный матч, оставил квартиру незапертой и что мой друг Иван может это подтвердить. И как ушел из школы, чтобы поговорить с другом, а за это время кто-то разгромил класс, который я перед этим тщательно прибрал. Мой друг Иван может подтвердить, что я с ним встречался.

Они, конечно, со мной не спорили. И спрашивали почему-то совсем не о том, что меня волновало. А после мы поехали домой.

Это меня обрадовало. Я ужасно не хотел снова лежать в больнице, изо дня в день общаться с этими приторными докторами и отвечать на дурацкие вопросы. И глотать таблетки меня достало. Я хотел тусить с Ванькой, играть с ним на компьютере, шляться по городу и хоть иногда видеть Тасю. Может, мне все-таки удалось доказать врачам, что я не громил собственную квартиру и школьный класс?

Правда, вечером мне стало тревожно. Если в больницу меня не кладут, то как завтра я пойду в школу? Ведь там все уверены, что это я разнес класс химии. Может, в глазах некоторых я и буду выглядеть героем, но большинство наверняка назовут меня психом. Ах да, я же еще вроде как успел послать оскорбительные сообщения по самым разным телефонам. Значит, вполне возможно, их получили некоторые мои одноклассники и даже учителя. И теперь захотят ответить мне в устной форме.

Я промаялся большую часть вечера. Родителям свой страх старался не показывать, просто сидел за столом и тупо смотрел в учебник. Отец и мать поочередно заглядывали в мою комнату, но ничего не говорили и ни о чем не спрашивали. Я чувствовал, что они в панике, и от этого мне просто хотелось лезть на стену.

Наконец, когда кто-то снова приоткрыл дверь ровно на ладонь, я спросил, не поворачиваясь:

– Завтра кто-нибудь повезет меня в школу? Я имею в виду, на какое время мне ставить будильник?

Мать – это была она – тут же перестала прятаться и вошла в комнату. Вид у нее был ужасно расстроенный. Она положила руку мне на плечо и сказала твердым голосом:

– Алексей, ни в какую школу ты завтра не идешь. К сожалению, тебе нужно еще немного подлечиться. Ничего страшного, возьмешь с собой в больницу учебники и постарайся не отстать от класса.

У меня оборвалось сердце. Значит, опять?

– Снова в ту же больницу? – кислым голосом спросил я.

– Нет.

– А... куда?

– Недельку побудешь дома, – сказала мама. – А потом мы тебя отвезем в другую клинику. Правда, она не очень близко. Но там есть врачи, которые разбираются в таких проблемах, как у тебя. Они тебе точно помогут.

– Нет у меня никаких проблем, – сказал я, заранее зная, что мне никто не поверит. Так и оказалось. Мама даже спорить со мной не стала. Только погладила по голове, как маленького. Я дернулся в сторону.

– Мы будем тебя навещать. Сам понимаешь, так часто, как прежде, не получится. Будем ездить к тебе по очереди, я и отец. Хорошо?

– Хорошо, – сказал я. На самом деле мне все стало безразлично. Да пусть хоть вообще не навещают, если не верят мне.

– Ты выпил лекарство? – спросила мама.

– Да.

– Ты всегда его пьешь? – Мать наклонилась, чтобы заглянуть мне в лицо. – Может, забываешь иногда? Сынок, это очень важно, пойми.

– Я понимаю, – усмехнулся я. – Только что толку?

– Как понять – что толку?

– Ну вы же все равно не верите, что я не делал всех этих ужасных вещей! А если это я сделал, значит, таблетки не помогают. Значит, я псих, и мне уже вообще ничего не поможет!

– Не говори так, Алеша! – прикрикнула на меня мать. – Ты должен все силы бросить на то, чтобы поправиться, победить болезнь! Понимаешь?

– Но если я не болен?!

Мать устало вздохнула. Потом сказала:

– Ложись спать, сынок. Мы утром поговорим. А сейчас у меня нет сил это обсуждать.

И вышла из комнаты. Больше в тот вечер ко мне никто не заглядывал. Мне хотелось пить, я чуть было не отправился на кухню, но подумал, что могу нарваться там на Киру. И она снова будет смотреть на меня ненавидящими глазами. Не может простить мне погибших рыбок. Да и родителей видеть не хотелось. Я сам не понимал почему, но в душе у меня зрела чудовищная обида на них обоих.

Я лег в постель, но уснуть не мог. Думал об Иоле. Интересно, видит ли она меня, знает ли, что со мной произошло? А как злорадствует, если видит! Ведь со мной случилась точно такая же история, как и с ней. Родители решили, что я неизлечим, и спешат избавиться от меня. Наверное, пришли к выводу, что им достаточно одной Киры. Кирка – умница, с ней не бывает проблем. Хотя после того, что случилось в школе, у нее самой могут начаться проблемы. Все будут задаваться вопросами, какая шиза нашла на ее младшего брата и не надо ли ждать чего-то подобного и от Киры?

Наверное, родители обо всем этом тоже успели подумать. А вдруг я вообще наброшусь на сестру с ножом, когда мы останемся одни дома? Ведь Кира такая хрупкая, ростом пошла в мать, я давно уже перерос ее. Да, чтобы защитить любимую дочку, родители точно засунут меня в больницу на долгие годы.

С этими горькими мыслями я проворочался полночи на кровати, потом все-таки уснул. Проснулся, когда за окном было совсем светло. В школе, наверное, уже наступило время большой перемены. Но ко мне больше это не имеет никакого отношения.

Я прислушался: в доме кто-то был. Кажется, мать – я узнал ее осторожные шаги. Конечно, после случившегося никому в голову не придет оставлять меня одного дома. А вдруг квартиру подожгу?

Скоро мама заглянула ко мне в комнату и позвала завтракать. Но после всех этих ужасных ночных мыслей я не мог вообразить, как буду сидеть рядом с матерью. Наверняка еще и говорить с ней придется. Снова она будет врать, что меня кладут ненадолго, что я скоро поправлюсь. Нет, лучше уж поменьше общаться с родителями. Будет не так горько, когда они обо мне забудут. Как родители Иолы.

Я отказался. Позже мать принесла мне еду и чай на подносе. Но кусок не лез в горло. Я смотрел по сторонам и думал, что через неделю попрощаюсь со всем этим навсегда. Перебирал диски и прикидывал, что взять с собой в больницу. Или... ничего? Зачем травить душу, каждый раз вспоминая, что вот этот диск купил мне отец за пятерку по английскому, а этот мать подарила на день рождения?

В три часа мне на домашний телефон позвонил Иван.

– Здорово, Алёха! – сказал он с какой-то новой ноткой уважения в голосе. Я сразу понял, что мой товарищ уже знает о случившемся в школе. – Ты как там, Терминатор?

– Да нормально, – ответил я, не стараясь казаться оптимистом.

– Небось к кровати привязали? – спросил Ванька на полном серьезе.

– Не, пока не догадались. Даже в комнате не заперли.

– Классные у тебя родки, – восхитился приятель. – Мои бы точно привязали. После такого-то...

– Вань, ты в школе сегодня был?

– А то...

– Ну, и чего там? Что говорят?

– Да ты ваше герой дня, – заверил меня Иван. – Все только о тебе и болтают! Кабинет химии, правда, уже восстановили, но все равно все бегает и в него заглядывают. Я первым делом туда сунулся. Еще до того, как доску заменили. Круть!

Я подавленно молчал. Да, такое не скоро забудется! Хотя мне-то теперь какая разница?

– Про эсэмэски ты знаешь? – не успокаивался Иван. – Их из твоего класса многие получили. Друг дружке весь день показывали. Слушай, таких слов даже я не знаю!

– Хорош прикалываться, – вздохнул я. А потом спросил с ухающим сердцем: – Слушай, а ты никаких посланий с моего телефона не получал?

– Не, я – нет, – вроде как с сожалением ответил Ванька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.